

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 2 / 2020

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, д.ю.н., профессор, проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЁМОВ Николай Михайлович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета
ВАН ЭЛСУВЕГЕ Петер	PhD, профессор права Европейского Союза Института европейского права Гентского университета (Бельгия)
ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д.ю.н., доцент, проректор по учебно-воспитательной работе и международным связям Международного университета «МИТСО»
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЛЮТОВ Никита Леонидович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РАРОГ Алексей Иванович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д.ю.н., доцент, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна	главный редактор, к.ю.н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЕВРЮГИНА Ольга Александровна	ответственный секретарь, эксперт отдела научно-издательской политики НИИ Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL
“RUSSIAN LAW ONLINE”

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure of the Kazan (Volga Region) Federal University
Peter VAN ELSUWEGE	Ph.D. in Law, Professor of European Union Law of Ghent University (Belgium)
Lydia A. VOSKOBITOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Associate Processor, Vice-Rector for educational work and international relations of the International University “MITSO”
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikita L. LYUTOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Labour Law and Law of social security of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina G. RUMYANCEVA	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Olga A. SEVRYUGINA	Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

Некрасов С. И. *Территориальная организация государства в отечественном государствоведении: вопросы преемственности и новаций* 5

Бегларян М. Е., Рагер Ю. Б. *Проблема цифровизации в контексте истории: интеграция и противостояние* 15

РОССИЯ

Чеджемов С. Р. *Великая Отечественная война как детерминант реформирования некоторых элементов системы государства и права СССР* 20

МИР

Николаев А. М. *Международная безопасность и права человека в Европе* 26

Гаврилов С. В. *Облик Германии на страницах внепартийного журнала «Голос минувшего» в период Первой мировой войны* 30

Красильникова Т. К. *Вторая мировая война и переустройство Европы: дипломатия победителей и германский вопрос* 40

Александрова А. В. *Вторая мировая война и становление права социального обеспечения: опыт Великобритании и Франции* 45

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Фомичева О. А. *Мобилизация общественного мнения и законодательный процесс* 51

ИМЕНА

Зульфугарзаде Т. Э. *Адам Смит: право и справедливость* 56

CONTENTS

TRENDS

- Nekrasov S. I.** *Territorial Organization of the State in the Domestic State Studies: Issues Concerning Continuity and Innovation* 5
- Beglaryan M. E., Rager Yu. B.** *The Problem of Digitalization in the Context of History: Integration and Confrontation* 15

RUSSIA

- Chedzhemov S. R.** *The Great Patriotic War as a Determinant of Reforming Some Elements of the State and Law System in the USSR* 20

WORLD

- Nikolaev A. M.** *International Security and Human Rights in Europe* 26
- Gavrilov S. V.** *The Image of Germany on the Pages of the Non-Partisan Journal «Golos minuvshego» during the First World War* 30
- Krasilnikova T. K.** *The World War II and the Reorganization of Europe: Winners' Diplomacy and the German Question* 40
- Aleksandrova A. V.** *The World War II and the Emergence of Social Security Law: the Experience of Great Britain and France* 45

POINT OF VIEW

- Fomicheva O. A.** *Public Opinion Mobilization and Legislative Process* 51

NAMES

- Zulfugarzade T. E.** *Adam Smith: Law and Justice* 56

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.14.2.005-014

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИИ: ВОПРОСЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И НОВАЦИЙ

Некрасов Сергей Иванович, член Межрегиональной ассоциации конституционалистов, кандидат юридических наук, профессор
119991, Россия, Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1, корп. 51 (1-й учеб. корп.)
s-nekrasov@yandex.ru

© Некрасов С. И., 2020

***Аннотация.** В результате конституционной реформы 2020 г. изменились конституционно-правовые основы территориальной конфигурации власти в России. В содержании произведенных трансформаций просматриваются как отечественная государственно-правовая историческая традиция, так и определенные новеллы. В статье представлены суждения о соотношении и балансе вопросов преемственности и новаций, централизации и децентрализации в территориальной организации Российского государства.*

***Ключевые слова:** власть; публичная власть; государство; территориальная организация государства; конституция; конституционная реформа; централизация.*

TERRITORIAL ORGANIZATION OF THE STATE IN THE DOMESTIC STATE STUDIES: ISSUES CONCERNING CONTINUITY AND INNOVATION

Sergey I. Nekrasov, Cand. Sci. (Law), Professor, member of the Interregional Association of Constitutionnalists
ul. Leninskie gory, d. 1, korp. 51, Moscow, Russia, 119991
s-nekrasov@yandex.ru

***Abstract.** Because of the Constitutional Reform of 2020, the constitutional law foundations of territorial configuration of power in Russia have changed. Both Russian state and law historical tradition and certain novellas are noticeable in the content of made transformations. The article presents presumptions concerning the correlation and balance between the issues of continuity and innovation, centralization and decentralization in the territorial organization of the Russian State.*

***Keywords:** power; public power; state; territorial organization of the State; constitution; constitutional reform; centralization.*

В теоретико-правовой характеристике государства территория обоснованно продолжает рассматриваться в качестве одного из основных квалифицирующих признаков, непосредственно связанным с другими такими признаками — населением, государственной властью, государственным суверенитетом¹. И. А. Исаев подчеркивает, что для государства как субъекта права территория является конституитивным, первичным элементом самой его личности: вне пространственной определенности не мыслится бытие современного государства². Ю. А. Тихомиров утверждает, что и в XXI в. государство не демонстрирует признаков отмирания («смерти»), прошедшие столетия подтвердили необходимость государства как явления общественной жизни, несмотря на предсказания утопистов, анархистов и прогнозы марксистов, государство не исчезает с мировой арены (напротив, в условиях общепланетарной глобализации количество государств, как ни парадоксально, увеличивается — за прошедшее столетие почти в четыре раза). Характеризуя государство в качестве универсальной публичной организации общества для управления его общими делами на основе права, ученый среди элементов (признаков) государства выделяет государственную территорию и государственную границу как строго определенное пространство действий власти и ее юридических правил³.

Интеграционные и глобализационные процессы в мире не дают основания утверждать, что современные государства (в том числе участники различного рода интеграционных межгосударственных объединений) отказываются от своего суверенитета и поступаются своей государственной территорией. Ситуация с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) и масштабной борьбой с данной инфекцией со всей очевидностью проиллюстрировала, что даже внутри самого интегрированного в мире межгосударственного объединения, каким является Европейский Союз (его нередко называют конфедерацией, Соединенными Штатами Европы и пр.), отдельные государства-члены очень быстро вспомнили о своем государственном суверенитете и выставили на своих государственных границах полицейские и санитарные кордоны, существенно ограничив свободу передвижения граждан, свободу предпринимательской деятельности, в том числе в рамках Шенгенской зоны (подобные ограничения предприняла и Российская Федерация на границе с другим членом Союзного государства Белоруссии и России).

Различные аспекты государства и государственности, включая территориально-властные аспекты, были и остаются привлекательными для разнопланового научного анализа. Современные взгляды на территориальную организацию публичной власти практически полностью коррелируют доктринальным подходам, сформированным в отечественном и зарубежном государствоведении в XIX — начале XX в. И. К. Блюнчли выделял четыре вида структурных подразделений государственной территории в целях политического управления («преувеличенное однообразие легко может повредить народной жизни в ее здоровых и плодотворных частях») — области, округа, дистрикты или уезды, городские и сельские общины⁴. Н. И. Лазаревский с учетом территориального структурирования государства подразделял публично-властные учреждения на централизованные, деконцентрированные, децентрализованные и органы самоуправления⁵. Ф. Ф. Кокошкин выделял три типа государственного устройства с точки зрения отношения частей государства

¹ Алебастрова И. А., Исаев И. А., Нарутто С. В., Шугрина Е. С. Территория в публичном праве. М., 2013. С. 7–35; Нарутто С. В., Шугрина Е. С. Территориальная организация государственной власти и местного самоуправления: учебник для магистратуры. М., 2017. С. 10–18.

² Исаев И. А. Право и пространство: роль традиции // История государства и права. 2014. № 4. С. 27–28; Алебастрова И. А., Исаев И. А., Нарутто С. В., Шугрина Е. С. Указ. соч. С. 17.

³ Тихомиров Ю. А. Государство. М., 2013. С. 8, 12–13, 56–57.

⁴ Блюнчли И. К. Общее государственное право. М., 1865. С. 186–198.

⁵ Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 2. С. 28–29.

к целому — полная централизация, административная децентрализация и законодательная децентрализация⁶.

Многоаспектной проблеме территориального властвования уделялось также внимание и в советском государствоведении. При этом советские государствоведы анализировали вопросы организации власти не только на общенациональном уровне, но и в составных частях социалистического федеративного государства, с привязкой к специфике его административно-территориального деления. Так, Д. Л. Златопольский цель административно-территориального устройства Советского государства видел в наиболее эффективной организации деятельности государственного аппарата; на основе конституционного законодательства ученый выделял в составе союзных республик (субъектов союзной федерации социалистического типа) такие административно-территориальные единицы, как края и области, национальные округа, районы и населенные пункты (города, села)⁷ (здесь просматривается доминирующая, а по сути — единственная на тот период, концепция институционального единства государственной власти и полномочия советов — о каком-либо обособлении от системы государственной власти такого важнейшего территориально-властного института, каким призвано быть местное самоуправление, речь не шла, все советы, включая местные, рассматривались в качестве органов государственной власти).

И в монархический, и в советский периоды отечественного государствоведения территориально-властные аспекты функционирования государства анализируются, в том числе в контексте внутренней организации государственной территории. Данный методологический подход объективно сохраняется и в современной государствоведческой науке. Однако доктринальный анализ отмеченных аспектов сегодня осуществляется, преимущественно, в рамках добротной конституционно-правовой теории территориальных публично-правовых образований, в построении которой (и в выявлении правовой природы данных субъектов права) неоценима роль В. Е. Чиркина (яркого представителя отечественной юридической науки как советского, так и современного периодов). Ученый доказал, что не всякое сообщество, не всякий территориальный коллектив представляет собой публично-правовое сообщество, являющееся основой публично-правового образования, и вывел квалифицирующие признаки последнего, среди которых территория и публичная власть, причем власть — в большей или меньшей степени самостоятельная, «собственная», хотя какие-то органы власти публично-правового образования (чаще всего — представительные) должны формироваться населением соответствующей территории. Совпадение привычных, традиционных квалифицирующих признаков государства и таких же признаков публично-правового образования — объективно, поскольку государство также является одним из видов таких образований, но не единственным видом⁸.

Правовые режимы территорий отдельных видов территориальных публично-правовых образований — Российской Федерации, субъектов Федерации, муниципальных образований — весьма обстоятельно исследованы в отечественной конституционно-правовой науке (в том числе в компаративистском контексте)⁹. В отечественной и зарубежной литературе обращается внимание на аксиоматический факт — юрисдикция региональных и местных органов власти объективно имеет пространственные пределы, но при этом территория публично-правовых образований низового (муниципального) уровня непременно является неотъемлемой частью территории государства¹⁰. Из этой правовой аксиомы вытекают и соответствующие правовые

⁶ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 305–306.

⁷ Златопольский Д. Л. Государственное устройство СССР. М., 1960. С. 279–290.

⁸ Чиркин В. Е. Территориальная организация публичной власти. М., 2017. С. 50–60, 70–105; Он же. Юридическое лицо публичного права. М.: Норма, 2009. Гл. 3–4.

⁹ См.: Алебастрова И. А., Исаев И. А., Нарутто С. В., Шугрина Е. С. Указ. соч.

¹⁰ Черкасов А. И. Местное управление в конституционном механизме стран современного мира. М., 2014. С. 45.

последствия в части соотношения (по юридической силе, правовому приоритету) различных источников правового регулирования, разграничения компетенции разноуровневых органов публичной власти.

Одним из проявлений глобализационных процессов в современном мире является трансформация подходов к содержательному наполнению категорий государственной территории, границ, правового пространства и даже государственного суверенитета¹¹. Тем не менее ни в одном современном государстве не ставится под сомнение необходимость четкого (с большей или меньшей степенью детализации) правового оформления, закрепления территории государства (включая и логично-производные вопросы — внутренней территориальной организации государства и территориальной организации публичной власти).

Начиная с периода Нового времени, правовой формой для этого стала конституция, причем конституция, понимаемая как принцип построения государственной формы, а не только и не столько как документ. Именно конституция призвана была очертить властные пределы, в том числе территорию, на которую распространяется власть сформулировавшего эту конституцию суверена. Конституция по своей сути и есть установление, закрепление, фиксация, очерчивание юридических пределов, в которых только и возможны производные от нее юридические действия. В архаической триаде — территория, население, власть — первичным, по мысли И. А. Исаева, является все же пространственный признак государственности, и принятие страной конституции означало рождение нового территориального субъекта, законно разместившегося в мировом пространстве¹².

В российском государстве основополагающие вопросы территориальной организации также имели конституционное закрепление (естественно, начиная с того исторического периода, когда можно говорить об отечественном конституционализме, когда стали приниматься правовые акты конституционного характера, и такой отправной точкой следует признать начало XX в. — Высочайший манифест (октябрь 1905 г.) и Основные государственные законы (1906 г.) справедливо рассматриваются в историко-государствоведческой и конституционно-правовой литературе в качестве первой, неcodифицированной российской конституции¹³).

Не является исключением и действующая Конституция РФ 1993 г. Более четверти века отмеченные вопросы конституционного регулирования (в частности, состав государственной территории, федеративная организация государства, местное самоуправление) оставались неизменными, однако в ходе конституционной реформы 2020 г. они претерпели существенную корректировку¹⁴. Осознание и обстоятельный доктринальный комментарий произведенных трансформаций — одна из важнейших задач отечественной юридической науки, здесь же — краткие, контурные суждения относительно некоторых из них в рамках избранного предмета научного анализа¹⁵ (заметим, что большинство из поправок к Конституции РФ (а в тексте основного закона произведено 110 изменений!) не находили сколько-нибудь широкого освещения в СМИ, в сравнении с т.н. социальными поправками).

¹¹ См.: Баранов В. М., Овчинников А. И., Самарин А. А. Экстерриториальное пространство права : монография. М., 2017. 176 с.

¹² Исаев И. А. Указ. соч. С. 27 ; Алебастрова И. А., Исаев И. А., Нарутто С. В., Шугрина Е. С. Указ. соч. С. 16.

¹³ Государственный строй монархической России: реалии, проекты, идеи, споры / рук. авт. кол. и отв. ред. Ю. Л. Шульженко. М., 2008. С. 6–9 ; Шульженко Ю. Л. Отечественная наука государственного права периодов конституционной монархии, буржуазной республики в России (1905 — октябрь 1917 г.). М., 2012. С. 21.

¹⁴ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

¹⁵ См.: Некрасов С. И. Территориальная основа местной публичной власти в Российской Федерации (некоторые заметки в контексте конституционной реформы) // Градостроительное право. 2020. № 3. С. 44–48.

Если ранее вся сухопутная территория Российской Федерации была разграничена между субъектами Федерации, то теперь появляется конституционная возможность учреждения федеральных территорий с особым, устанавливаемым федеральным законом, правовым режимом организации публичной власти (ч. 1 ст. 67 Конституции РФ в новой редакции). Такие территории (с особыми правовыми режимами хозяйственно-экономической, инвестиционной деятельности, налогообложения, организации и функционирования публичной власти) де-факто существовали и существуют в современной России — инновационный центр «Сколково», зоны территориального развития, территории опережающего социально-экономического развития, свободный порт Владивосток и т. п. Пока все отмеченные административно-территориальные образования (в контексте предыдущих суждений — не все эти единицы являются публично-правовыми образованиями) не отнесены к разряду федеральных территорий, их существование не нарушает принципа единства территории субъектов Федерации, поскольку де-юре они входят в состав территории соответствующих регионов (а если они (указанные специальные образования) включают пространственно территории муниципальных образований, то такие муниципальные образования не упраздняются). Соответственно, на территориях таких образований функционируют и федеральные органы государственной власти, и органы государственной власти субъектов Федерации, и органы местного самоуправления, но с известными ограничениями, включая ограничения в части компетенции управляющей компании — коммерческой организации (хозяйствующего субъекта, созданного в форме хозяйственного общества¹⁶. После реализации указанной конституционной поправки данные федеральные территории (в случае специального указания на то в федеральном законе) пространственно-юридически будут изъяты из состава территорий субъектов Федерации и муниципальных образований. Соответственно, федеральным законодательством будут регулироваться и вопросы организации публичной власти, включая решение вопросов, относимых к «ведению субъектов Российской Федерации» или к «вопросам местного значения»¹⁷.

У отмеченной (однозначно централистской) тенденции есть определенная историческая параллель. Если в первой половине XIX в. государственная политика в части управления окраинами Российской империи строилась на основе принципов регионализма (учитывались существенные региональные особенности очень разных территорий огромного государства), то в пореформенный период, с 1880-х гг. имперский подход к окраинной политике изменяется в сторону жесткой централизации с унификацией и стандартизацией форм управления и государственно-административной структуры¹⁸.

Историческая параллель именно «определенная», не полная — современные административно-территориальные единицы со специальными правовыми режимами не являются исключительно «окраинными», и федеральные территории могут быть учреждены (в потенциале) в любой точке государственной территории. Учреждались в Российской империи и различного рода специальные управленческие округа — военные, почтовые, школьные, транспортные, церковные и пр., однако они были именно управленческими, административными и территориально не разрывали

¹⁶ См.: Особенности осуществления местного самоуправления в закрытых административно-территориальных образованиях / под общ. ред. В. С. Тимченко. М., 2008. 158 с.; Некрасов С. И. Территории опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации (проблемные вопросы организации и функционирования публичной власти) // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 3. С. 12–14.

¹⁷ Некрасов С. И. Территориальная основа местной публичной власти в Российской Федерации ... С. 45.

¹⁸ Дамешек И. Л. Российская империя и имперские окраины: в поисках модели управления // Территориальное устройство Российского государства: история и современность : сб. науч. трудов / общ. ред. Д. И. Луковской, Н. В. Дунаевой. СПб., 2016. С. 179–199.

губернское административно-территориальное деление. Интересен будет опыт функционирования первой федеральной территории «Сириус»¹⁹.

Другие иллюстрации усиления тенденции централизации власти (а эта цель составляет краеугольный камень всей конституционной реформы) свидетельствуют об усилении государственно-управленческой составляющей в функционировании местной власти в рамках давно обсуждаемой концепции сочетания местного самоуправления и государственного управления на местах (местного государственного управления). Прежде всего, на уровне основного закона государства закреплена абсолютно логичная формула — органы местного самоуправления и органы государственной власти образуют единую систему публичной власти в Российской Федерации и взаимодействуют друг с другом (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ в новой редакции), при этом организация публичной власти (на всех уровнях) теперь однозначно включена в сферу исключительного ведения Российской Федерации (п. «г» ст. 71 Конституции РФ в новой редакции).

В соответствии с новой редакцией Конституции РФ органы государственной власти (федеральные и региональные) получили возможность участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления — ч. 1.1 ст. 131. Функционирование местных, региональных и общенациональных властей в рамках единой системы — общая тенденция всех современных государств (а не только относящихся к континентальной правовой семье), в которых происходит объективное сращивание местных дел с общегосударственными, что во многом превращает местное управление в разновидность исполнительной деятельности, осуществляемой в рамках общей государственной политики, а его органы — в своеобразных агентов социального государства (в ФРГ, например, местные власти реализуют от 70 до 80 % всех законодательных норм, принимаемых на федеральном и земельном уровнях); система местного (муниципального) управления обычно представляет собой часть единого механизма публичной власти, его децентрализованный и организационно обособленный элемент²⁰.

Конституция РФ в новой редакции допускает теперь специальное федеральное правовое регулирование организации публичной власти в крупных городах — в административных центрах (столицах) субъектов Федерации (ч. 3 ст. 131). Ранее такая специфика допускалась лишь в отношении городов федерального значения, но эти города являются субъектами Федерации, тогда как региональные столицы (административные центры) пока продолжают оставаться муниципальными образованиями. Очевидно, такие крупные города, как Екатеринбург, Новосибирск, Нижний Новгород, Воронеж, Красноярск, Волгоград и др. действительно сложно отнести к разряду обычных муниципальных образований (экономический, демографический и другие потенциалы столиц субъектов Федерации часто превосходят аналогичные потенциалы остальной территории региона), а масштабную, разноплановую деятельность городских властей — к деятельности органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения. Управление в губернских городах монархической России, в столицах автономных республик и областных (краевых, окружных) центрах РСФСР всегда отличалось известной спецификой, да и в целом земские, городские структуры, равно как и местные советы, всегда были достаточно плотно интегрированы в единую систему российской власти, поэтому у идеи сочетания местного самоуправления и местного государственного управления есть и отечественная устойчивая историческая традиция, подкрепленная теперь и новой конституционной формулой²¹.

¹⁹ Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8583.

²⁰ Черкасов А. И. Указ. соч. С. 3.

²¹ См.: Государственный строй монархической России: реалии, проекты, идеи, споры. Гл. 4; Некрасов С. И. Местная публичная власть в России (монархический и советский периоды). М., 2012. 289 с.; Советский государственный строй: реалии, проекты, идеи,

В новой редакции Конституции РФ изменен подход к регламентации территориальной основы местного самоуправления. Статья 131 Конституции РФ (в прежней, изначальной редакции) однозначно закрепляла, что «местное самоуправление осуществляется в городских и сельских поселениях и на других территориях...» Оставив за скобками несколько негативную окраску термина «поселение» (ассоциации в российском обществе он вызывает, подчас, неоднозначные), следует констатировать, что разработчики действующей российской Конституции совершенно верно подметили и закрепили историческую территориальную сущность местного самоуправления — оно всегда формировалось и осуществлялось в пространствах расселения общины (сельской, кочевой, городской), низового, первичного территориального коллектива жителей. Данный подход концептуально был выдержан и в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (п. 1 ст. 2, ст. 11 закона в первичной редакции).

В последнее время во многих российских регионах активно осуществлялся процесс укрупнения муниципальных образований (именуемый процессом централизации местного самоуправления или даже муниципальной реформой). На базе самостоятельных до этого муниципальных образований — муниципальных районов и всех поселений, входящих в данные районы, создавались новые, единые муниципальные образования — городские округа. В России появились субъекты Федерации, не имеющие поселенческого уровня местного самоуправления и состоящие исключительно из крупных муниципальных образований — городских округов (Калининградская, Магаданская, Московская, Сахалинская области и др.). Данный процесс, зачастую — продавливаемый региональными властями в стремлении повысить управляемость территориями и усилить контроль за бюджетными ресурсами, вызывал обоснованную критику в научных кругах и в среде местных сообществ²². В 2019 г. правовое регулирование в рассматриваемой сфере скорректировано учреждением нового типа муниципальных образований — муниципального округа (пп. 1 п. 1 ст. 11 Федерального закона № 131-ФЗ в редакции от 01.05.2019 № 87-ФЗ), но проблема сохранена, поскольку муниципальный округ, как и городской округ, представляет собой достаточно крупное муниципальное образование, не предполагающее в своем составе других, самостоятельных муниципальных образований — городских и сельских поселений (а прежние такие поселения обретают статус административно-территориальных единиц муниципального округа в качестве населенных пунктов — городов, поселков, сел, деревень и т. п.)²³.

Таким образом, в Российской Федерации не только сохранилась, но и усилилась законодательная основа для перехода к однозвенной (одноуровневой) — окружной — системе местного самоуправления (а по факту — ликвидации поселенческого уровня местной власти в масштабах целых регионов, а может быть — и в масштабе Российской Федерации в целом). А теперь появилась и конституционная основа для закрепления отмеченной тенденции — в соответствии с отсылочной нормой ч. 1 ст. 131 Конституции РФ виды муниципальных образований, в которых осуществляется местное самоуправление, устанавливаются федеральным законом²⁴.

Оценки (как позитивные, так и негативные) конституционной реформы 2020 г. пока могут быть лишь доктринальными, для проявления на практике эффективности

споры (1917–1940) / под общ. ред. Ю. Л. Шульженко. М., 2010. Гл. 8 ; Советский государственный строй: реалии, проекты, идеи, споры (1945–1985) / под общ. ред. Ю. Л. Шульженко. М., 2012. Гл. 8.

²² См.: Петухов Р. В. Территориальная организация местного самоуправления: последние законодательные новации // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 3. С. 31–35 ; Шульженко Ю. Л. Указ. соч.

²³ Баженова О. И. Муниципальный округ: новое решение старой проблемы или новая проблема организации местного самоуправления в России? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 58–66.

²⁴ Некрасов С. И. Территориальная основа местной публичной власти в Российской Федерации ... С. 46.

либо неэффективности конституционных трансформаций требуется время. Есть основания полагать, что известную напряженность в обществе (которое, очевидно, не требовало конституционных изменений! — все трансформации основного закона инициированы верховной властью и в основном касаются функционирования властного механизма) вызвали не рассмотренные выше поправки в сфере территориальной организации публичной власти, а неожиданность и стремительность масштабных конституционных преобразований, формат реформы, усиление персоналистского политического режима (еще большая концентрация власти вокруг фигуры главы государства) и, конечно же, поправка об «обнулении сроков» действующего Президента РФ (единогласное принятие «с голоса», без обсуждения существенной поправки в ходе второго чтения законопроекта в Государственной Думе вряд ли красит законодателя). Достаточно высокая степень централизации власти (в том числе в территориальном аспекте) является исторической традицией российской государственности — и в монархический, и в советский периоды система государственной власти была достаточно централизованной, а известный процесс децентрализации в перестроечный период в СССР и в 1990 гг. в суверенной России почему-то не дал желаемых результатов и до сих пор вызывает в обществе не самые добрые воспоминания. Силу традиции (имеется в виду не российская традиция перманентного реформирования) игнорировать нельзя. Время покажет действенность произведенных преобразований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алебастрова И. А., Исаев И. А., Нарутто С. В., Шугрина Е. С.* Территория в публичном праве. М., 2013. 320 с.
2. *Баженова О. И.* Муниципальный округ: новое решение старой проблемы или новая проблема организации местного самоуправления в России? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 58–66.
3. *Баранов В. М., Овчинников А. И., Самарин А. А.* Экстерриториальное пространство права : монография. М., 2017. 176 с.
4. *Блюнчли И. К.* Общее государственное право. М., 1865. 232 с.
5. Государственный строй монархической России: реалии, проекты, идеи, споры / рук. авт. кол. и отв. ред. Ю. Л. Шульженко. М., 2008. 416 с.
6. *Дамешек И. Л.* Российская империя и имперские окраины: в поисках модели управления // Территориальное устройство Российского государства: история и современность : сб. научн. трудов / общ. ред. Д. И. Луковской, Н. В. Дунаевой. СПб., 2016. С. 179–199.
7. *Златопольский Д. Л.* Государственное устройство СССР. М., 1960. 301 с.
8. *Исаев И. А.* Право и пространство: роль традиции // История государства и права. 2014. № 4. С. 27–32.
9. *Кокочкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву. М., 1912. 306 с.
10. *Лазаревский Н. И.* Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Т. 2. 294 с.
11. *Нарутто С. В., Шугрина Е. С.* Территориальная организация государственной власти и местного самоуправления : учебник для магистратуры. М., 2017. 272 с.
12. *Некрасов С. И.* Местная публичная власть в России (монархический и советский периоды). М., 2012. 289 с.
13. *Некрасов С. И.* Территориальная основа местной публичной власти в Российской Федерации (некоторые заметки в контексте конституционной реформы) // Градостроительное право. 2020. № 3. С. 44–48.
14. *Некрасов С. И.* Территории опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации (проблемные вопросы организации и функционирования публичной власти) // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 3. С. 12–14.

15. Особенности осуществления местного самоуправления в закрытых административно-территориальных образованиях / под общ. ред. В. С. Тимченко. М., 2008. 158 с.
16. Петухов Р. В. Территориальная организация местного самоуправления: последние законодательные новации // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 3. С. 31–35.
17. Советский государственный строй: реалии, проекты, идеи, споры (1917–1940) / под общ. ред. Ю. Л. Шульженко. М., 2010. 544 с.
18. Советский государственный строй: реалии, проекты, идеи, споры (1945–1985) / под общ. ред. Ю. Л. Шульженко. М., 2012. 633 с.
19. Тихомиров Ю. А. Государство. М., 2013. 320 с.
20. Черкасов А. И. Местное управление в конституционном механизме стран современного мира. М., 2014. 192 с.
21. Чиркин В. Е. Территориальная организация публичной власти. М., 2017. 208 с.
22. Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. М. : Норма, 2009. 352 с.
23. Шульженко Ю. Л. Отечественная наука государственного права периодов конституционной монархии, буржуазной республики в России (1905 — октябрь 1917 г.). М., 2012. 508 с.

REFERENCES

1. Alebastrova IA, Isaev IA, Narutto SV, Shugrina ES. Territoriya v publichnom prave [Territory in public law]. Moscow; 2013 (In Russ.).
2. Bazhenova OI. Munitsipalnyy okrug: novoe reshenie staroy problemy ili novaya problema organizatsii mestnogo samoupravleniya v rossii? [A municipal district: a new solution to the old problem or a new problem of local self-government organization in Russia?]. *Constitutional and Municipal Law*. 2020;1:58-66 (In Russ.).
3. Baranov VM, Ovchinnikov AI, Samarin AA. Eksterritorialnoe prostranstvo prava: monografiya [Extraterritorial space of law: monograph]. Moscow; 2017 (In Russ.).
4. Blyunchli IK. Obshchee gosudarstvennoe pravo [General state law]. Moscow; 1856 (In Russ.).
5. Shulzhenko YuL, editor. Gosudarstvennyy stroy monarkhicheskoy Rossii: realii, proekty, idei, spory L. (1945–1985)]. Moscow; 2008 (In Russ.).
6. Dameshek IL. Rossiyskaya imperiya i imperskie okrainy: v poiskakh modeli upravleniya [Russian Empire and imperial suburbs: in search of a model of management]. In: Lukovskaya DI, Dunaeva NV, editors. Territorial Structure of the Russian State: History and Modernity: Collection of Research Papers. St. Petersburg; 2016 (In Russ.).
7. Zlatopolskiy DL. Gosudarstvennoe ustroystvo SSSR [State Structure of the USSR]. Moscow; 1960 (In Russ.).
8. Isaev IA. Pravo i prostranstvo: rol traditsii [Law and space: the role of tradition]. *History of State and Law*. 2014;4:27-32 (In Russ.).
9. Kokoshkin FF. Leksii po obshchemu gosudarstvennomu pravu [Lectures on general state law]. Moscow; 1912 (In Russ.).
10. Lazarevskiy NI. Leksii po russkomu gosudarstvennomu pravu [Lectures on Russian state law]. Vol. 2. St. Petersburg, 1910 (In Russ.).
11. Narutto SV, Shugrina ES. Territorialnaya organizatsiya gosudarstvennoy vlasti i mestnogo samoupravleniya: uchebnik dlya magistratury [Territorial organization of state power and local self-government: textbook for Graduate Students]. Moscow; 2017 (In Russ.).
12. Nekrasov SI. Mestnaya publichnaya vlast v Rossii (monarkhicheskii i sovetskiy periody) [Local public power in Russia (monarchical and Soviet periods)]. Moscow; 2012 (In Russ.).
13. Nekrasov SI. Territorialnaya osnova mestnoy publichnoy vlasti v rossiyskoy federatsii (nekotorye zametki v kontekste konstitutsionnoy reformy) [The Territorial Basis of Local Public Government in the Russian Federation (Some Notes within the Context of the Constitutional Reform)]. *Town-Planning Law*. 2020;3:44-48 (In Russ.).

14. Nekrasov SI. Territories of Priority Socio-Economic Development in the Russian Federation (Challenging Issues of Public Authority Arrangement and Functioning). *Municipal Property: Economics, Law, Management*. 2017;3:12-14 (In Russ.).
15. Timchenko VS, editor. Osobennosti osushchestvleniya mestnogo samoupravleniya v zakrytykh administrativno-territorialnykh obrazovaniyakh [Peculiarities of implementation of local self-government in closed administrative-territorial entities]. Moscow; 2008 (In Russ.).
16. Petukhov RV. Territorialnaya organizatsiya mestnogo samoupravleniya: poslednie zakonodatelnye novatsii [Territorial organization of local self-government: Recent legislative innovations]. *Municipal Property: Economics, Law, Management*. 2017;3:31-35 (In Russ.).
17. Shulzhenko YuL, editor. Sovetskiy gosudarstvennyy stroy: realii, proekty, idei, spory (1917–1940). Moscow; 2010 (In Russ.).
18. Shulzhenko YuL, editor. Sovetskiy gosudarstvennyy stroy: realii, proekty, idei, spory (1945–1985). Moscow; 2012 (In Russ.).
19. Tikhomirov YuA. Gosudarstvo [The State]. Moscow; 2013 (In Russ.).
20. Cherkasov AI. Mestnoe upravlenie v konstitutsionnom mekhanizme stran sovremennogo mira [Local governance in the constitutional mechanism of the countries of the modern world]. Moscow; 2014 (In Russ.).
21. Chirkin VE. Territorialnaya organizatsiya publichnoy vlasti [Territorial organization of public power]. Moscow; 2017 (In Russ.).
22. Chirkin VE. Yuridicheskoe litso publichnogo prava [Legal image of public law]. Moscow: Norma Publ.; 2009 (In Russ.).
23. Shulzhenko YuL. Otechestvennaya nauka gosudarstvennogo prava periodov konstitutsionnoy monarkhii, burzhuznoy respubliki v Rossii (1905 — oktyabr 1917 g.) [Domestic science of state law periods of constitutional monarchy, bourgeois republic in Russia (1905 — October 1917)]. Moscow; 2012 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.14.2.015-019

ПРОБЛЕМА ЦИФРОВИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ: ИНТЕГРАЦИЯ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Бегларян Маргарита Евгеньевна, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат физико-математических наук, доцент
350002, Россия, Краснодар, ул. им. Леваневского, д. 187/1
rita_beg@mail.ru

Рагер Юрий Борисович, доцент кафедры социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат исторических наук, доцент
350002, Россия, Краснодар, ул. им. Леваневского, д. 187/1
Rager_U_B@mail.ru

© Бегларян М. Е., Рагер Ю. Б., 2020

***Аннотация.** Информатизация и компьютеризация, а ныне цифровизация получает в России широкую государственную поддержку, что отражается в государственных программах и планах, а также в наличии научной полемики вокруг происходящего. Процесс освоения новых цифровых технологий, который объективно ускорился в последние месяцы по причинам глобального характера, не имеет альтернативы, и в его развитии и успехах содержится фундамент стабильной экономики и демократизации общества.*

***Ключевые слова:** цифровизация; цифровая история; гуманитарные науки; юриспруденция; государство; право; информационная революция; информатизация.*

THE PROBLEM OF DIGITALIZATION IN THE CONTEXT OF HISTORY: INTEGRATION AND CONFRONTATION

Margarita E. Beglaryan, Cand. Sci. (Physics & Mathematics), Associate Professor, Head of the Department of Socio-Humanitarian and Natural Science Disciplines, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice
ul. im. Levanevskogo, d. 187/1, Krasnodar, Russia, 350002
rita_beg@mail.ru

Yuri B. Rager, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Socio-Humanitarian and Natural Science Disciplines, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice
ul. im. Levanevskogo, d. 187/1, Krasnodar, Russia, 350002
Rager_U_B@mail.ru

Abstract. *Informatization and computerization, and now digitalization, receive broad state support in Russia, which is reflected in state programs and plans, as well as in scientific debates around what is happening. The process of mastering new digital technologies that has objectively accelerated in recent months for global reasons has no alternative, and its development and success provide a foundation for stable economy and democratization of society.*

Keywords: *digitalization; digital history; humanities; jurisprudence; state; law; information revolution; informatization.*

Четвертая информационная революция, которая происходит в мире 50 лет, так или иначе связана с переводом всей информации на цифровые носители, а также с переходом жизненных процессов в цифровую реальность. Серьезное вмешательство компьютера и цифры в социальные процессы (в бизнес, образование, здравоохранение, досуг) дало начало научному осмыслению всех возможностей и опасностей, связанных с этим процессом. И только весной — летом 2020 г. наступило почти полное понимание и некоторое разочарование от глобальной цифровизации. Наличие государственной заинтересованности, социального заказа и финансовых вложений позволили внедрить многие не доработанные до совершенства сетевые сервисы на ходу, провести испытания и получить результат в сжатые сроки.

Информатизация как всеобщий процесс началась довольно давно:

- с середины 1970-х гг. — в мире идет широкое распространение информационных цифровых технологий, прежде всего в массмедиа;
- с 1980-х гг. — победное шествие начинает Интернет;
- 1995 г. — в обращение вводится понятие «цифровая экономика» (автором термина считается американский информатик Н. Негропonte);
- с конца 1990-х гг. — бурное развитие информатизации и цифровизации идет в геометрической прогрессии, причем во всех направлениях: от инновационных технологий производства товаров и услуг до невероятных возможностей применения и новаций правового регулирования.

Начиная с 2000 г. процесс информатизации в России получает широкую государственную поддержку, что отражается в государственных целевых программах, изменениях в законодательстве, доктринах и стратегиях развития страны.

Современные события удивительным и почти провидческим образом перекликаются с общефедеральным нормативным документом, принятым относительно недавно — Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹. Таким образом, 2020 г. — начальный этап, что означает: страна сегодня в полной мере реализовывает именно запланированные действия. Сам документ разрабатывался с учетом и на основе международных источников права (например, Окинавская хартия Глобального информационного общества от 22.07.2000). В отечественных нормативных правовых актах уточняются существующие понятия и принципы, которые содержат в себе напрямую или косвенно компьютерные информационно-телекоммуникационные высокотехнологические составляющие (например, налоговые органы стали использовать технологию блокчейн). Названная Стратегия способствует повсеместной замене и объединению определений вокруг термина «цифровизация». Документ характеризует общие тенденции и проблемы развития цифровой среды. Негативное ее влияние тоже имеет место и определяется как «...смещение акцентов в восприятии окружающего мира, особенно в сети Интернет, с научного, образовательного и культурного на развлекательно-справочный сформировало новую модель восприятия — так называемое клиповое мышление, характерной особенностью которого является массовое поверхностное восприятие информации...» Целью Стратегии в рамках глобального процесса цифровизации с его не только плюсами, но и минусами

¹ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 290.

является формирование в нашей стране «общества знаний», что предполагает решение простых и очень глубинных задач, охватывающих процесс формирования «информационного пространства знаний», а в рамках этого «обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений, новых компетенций, расширении кругозора».

Цифровизация идет полным ходом, но последние события, связанные с пандемией и всеобщим карантинном, показали, что этот процесс перевода всего и вся, в том числе и нашей реальной и единственной жизни, в цифру еще не позволяет говорить о каком-то переломе. Приходится признать, что цифровизация не превратилась в нечто самодостаточное и самостоятельно развивающееся, абсолютно полезное явление. Музеи, архивы, кинофонды и библиотеки оказались совершенно не готовы к полноценной работе по удаленной схеме. Это признание той реальности — стадии, на которой пока находится наше развитие. Причем, констатируя это, мы вполне можем говорить и обо всем человечестве и о самой продвинутой, обученной и технически оснащенной ее части. Например, цифровизация истории и, как важнейшая часть этого процесса, дигитализация исторических материалов имеет много проблем, порождает ошибки, вызывает ненаучную, порой безрезультатную полемику. Например, потеря оригинала пленки высадки на Луну американских астронавтов будет вечным поводом для неверия в то, что они там были. В 2009 г. представитель NASA заявил, что оригинальная видеозапись трансляции первой высадки на Луну (45 катушек с магнитной пленкой экспедиции «Аполлона-11») утеряна, но копии сохранились, так же, как и оригиналы видеозаписей всех остальных экспедиций². Факт дает возможность спорить о первой лунной экспедиции американцев до конца времен. Информация об информации и возможности информационной подделки или качественной переделки информации — проблема истории, историков и поиска исторической правды.

Итак, Четвертая информационная революция продолжается, историки и программисты не могут констатировать точно стадию или факт ее завершения, но цифровизация экономики и появление новых цифровых продуктов знаменуют эволюционные признаки этого процесса. К некоторым проявлениям информатизации общество еще не готово ни организационно, ни психологически. Однако научная оценка еще впереди. Происходящий сегодня процесс — точка бифуркации или каскад бифуркаций или начало Пятой информационной революции, или завершение Четвертой. Мир готов к новому переходу технологически, экономически и политически, но осталось много нерешенных гуманитарных проблем (философских, исторических, социальных).

Понимание перехода информатизация-цифровизация тоже важно для истории. Информатизация как наличие компьютерной техники и электронного представления информации или цифровизация, как более глубокий и важный процесс, который начинает эпоху новой экономики, экономики цифровых вещей, где многие реальные процессы могут быть заменены на цифровые. Появление цифрового продукта как интеграции мыслительной деятельности человека и машины-робота, искусственный интеллект как соратник и помощник человека — вот признаки цифровизации. Но есть и другие подходы.

Цифровизацию можно рассматривать как этап информатизации в период перехода на новую качественно иную ступень Четвертой информационной революции. Возможно, как зачаток Пятой информационной революции. Несмотря на существенные разрывы между государствами в использовании информационных коммуникационных технологий, стали явными почти все признаки информационного общества, заявленные в Окинавской хартии.

² Platoff A. M. Where no flag has gone before: Political and technical aspects of placing a flag on the Moon // Официальный сайт NASA. URL: <https://ntrs.nasa.gov/archive/nasa/casi.ntrs.nasa.gov/19940008327.pdf> (дата обращения: 10.11.2020).

Сегодня можно легко ошибиться в оценке происходящего. Можно совершить, по крайней мере, две большие ошибки:

- переоценка «судьбоносности» того, что происходит. Например, логично и красиво звучал тезис «о конце истории» у Ф. Фукуямы в его обширном труде «Конец истории и последний человек», эти слова казались очевидными и неоспоримыми («о всепобеждающей силе либеральной демократии, которая разрушает все недемократическое и уже фактически в целом одержало победу»³), но впоследствии ученому самому пришлось отказаться от своей теории;
- недооценка событий и явлений.

Воздержимся от окончательных выводов и оценочных заключений при рассмотрении современной эпохи. Согласимся с теми, кто считает, что человечество находится лишь в самом начале этой цифровой эпохи и выводы делать рано.

Рассмотрим еще одно важное направление получившее название Digital Humanities — цифровые гуманитарные науки, в рамках которого существует Digital History — цифровая история. Это симбиоз, результат межпредметного взаимодействия академических гуманитарных наук и мощи современных цифровых технологий. Правда, историки в большинстве своем рассматривают этот союз как прикладной, призванный справиться с систематизацией и анализом резко возросших информационных потоков, с которыми традиционная информационная инфраструктура уже давно не справляется⁴. Причина вполне очевидна — глобальный взрывной рост оцифрованной и цифровой информации. Современная социальная информация (СМС, трафики интернет-запросов, аккаунты, покупки в интернет-магазинах, развлечения в сети и т.п.), блогеры, фейковые информационные потоки, интернет-издания, интернет-каналы и т. п., что сложно и дорого длительно хранить и еще сложнее систематизировать.

Интернет и мировое цифровое информационное пространство содержит большой объем важного накопленного человечеством опыта, знаний, навыков в цифровом формате, являющийся естественным материалом для уверенно развивающейся области цифровой истории. В последние годы в процесс исторических исследований вовлечены массы людей, которые хотят узнать и сохранить в памяти потомков свои родословные, жизнь отдельных людей, истории отдельных местностей, городов регионов и пр. Цифровая история обеспечивает технологические возможности реконструкции и моделирования событий. Она активно представлена сегодня в блогосфере. Можно со всей определенностью сказать, что ее развитие по важнейшим и порой еще не оцененным направлениям ускорилось и расширилось в связи с событиями пандемии. Обращение к истории насыщено различными нарративами, фейковыми новостями и явно необъективной и совершенно ненаучной информацией, но в большинстве своем процесс «демократизации истории», ее «народности» вызывает интерес и может быть рассмотрен позитивно.

Современное общественное сознание в большей степени подвержено влиянию интернет-контента и отчасти сформировано им, а не научно-образовательным процессом. У этого есть свои позитивные и негативные стороны. Конечно, образовательный процесс включает в себя технологическую составляющую, но истинное, научное, академическое образование пока все еще проигрывает в объеме, в доступности и в популярности информационным массивам интересной, растиражированной и простой для понимания информации из Интернета. Исторические форумы, YouTube, Telegram и многие другие ресурсы, наряду с настоящими учеными, транслируют идеи представителей лженауки и фейкньюс. Один вывод очевиден: о монополии профессиональных ученых историков на изложение и интерпретацию исторических фактов и событий можно забыть навсегда. «Цифровая история», опирающаяся на постоянно возрастающее могущество Интернета, окончательно разрушила эту монополию, предоставив право конкурировать с учеными любому желающему,

³ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2010. 588 с.

⁴ Бородкин Л. И. Digital History: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия? // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 14–21.

и главным критерием успеха становятся не статьи в научных журналах и индексы цитирования, а количество подписчиков и зрителей, голосование лайками и объемы перечисленных спонсорских и благотворительных средств.

Современный цифровой эволюционный вызов требует от нас напряжения сил и неординарных смелых решений. От правильного выбора зависят перспективы развития всего общества и современной исторической науки в том числе. Решение проблемы через предоставление качественного контента, в условиях ограничений на непосредственное общение, приведут к развитию и росту образованности общества в контексте цифровой истории. Найти баланс между доступностью интернет-ресурсов и качеством этих ресурсов, сохраняя конституционные гарантии свободы слова, — задача государственного масштаба, задача на перспективу, потому что необходимо иметь образованного потребителя цифрового мира, который бы отличал подделку от истины в историческом научном смысле.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бородкин Л. И. Digital History: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия? // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 14–21.
2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2010. 588 с.
3. Platoff A. M. Where no flag has gone before: Political and technical aspects of placing a flag on the Moon // Официальный сайт NASA. URL: <https://ntrs.nasa.gov/archive/nasa/casi.ntrs.nasa.gov/19940008327.pdf> (дата обращения: 10.11.2020).

REFERENCES

1. Borodkin LI. Digital History: the application of digital media in the preservation of historical cultural heritage? *Historical Information Science*. 2012;1:14-21 (In Russ.).
2. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow; 2010 (In Russ.).
3. Platoff AM. Where no flag has gone before: Political and technical aspects of placing a flag on the Moon. NASA official website. URL: <https://ntrs.nasa.gov/archive/nasa/casi.ntrs.nasa.gov/19940008327.pdf> (accessed: 10 Nov 2020).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.14.2.020-025

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК ДЕТЕРМИНАНТ РЕФОРМИРОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА СССР

Чеджемов Сергей Русланович, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института, доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, профессор 362021, Россия, Владикавказ, ул. Николаева, д. 44
srchedgemov@mail.ru

© Чеджемов С. Р., 2020

***Аннотация.** В статье представлена авторская интерпретация такого общественно-политического явления в жизни государства и общества, как Великая Отечественная война в качестве детерминанта реформирования некоторых элементов системы государства и права СССР. Для освещения этого вопроса используются материалы общесоюзного и регионального свойства. Статья может стать основой для панельной дискуссии по теме «Мировые войны: право и мобилизация».*

***Ключевые слова:** государство; право; власть; Великая Отечественная война; СССР; И. В. Сталин; Русская православная церковь; советское общество; причины и условия.*

THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A DETERMINANT OF REFORMING SOME ELEMENTS OF THE STATE AND LAW SYSTEM IN THE USSR

Sergey R. Chedzhemov, Dr. Sci. (Pedagogy), Cand. Sci. (History), Professor, Department of Theory and History of State and Law, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute ul. Nikolaeva, d. 44, Vladikavkaz, Russia, 362021
srchedgemov@mail.ru

***Abstract.** The article presents the author's interpretation of such a socio-political phenomenon in the life of the state and society as the Great Patriotic War. The author considers it a determinant of reforming some elements of the system of the state and law in the USSR. To highlight this issue, materials of all-union and regional properties are used. The article can be used as the basis for a panel discussion on «World Wars: Law and Mobilization».*

***Keywords:** State; law; power; Great Patriotic War; USSR; Russian Orthodox Church; Soviet society; causes and conditions.*

Ныне со стороны ряда стран продолжается начавшаяся еще в Средние века политика идеологического давления на Россию, для чего искажаются факты истории нашего государства и, в частности, советского государства и права. Некоторые доморощенные «ученые» и делают это по различным причинам: по природному скудоумию или по святой простоте своей, а то и по вражескому наущению превратно истолковывают многие аспекты взаимосвязи государства и общества как в прошлом, так и настоящем. Тема нашего выступления затрагивает анализ Великой Отечественной войны как детерминанты реформирования внутренней политики коммунистической партии и Советского государства по отношению к Русской православной церкви. Была ли таковая и, если была, то какие причины ее обусловили? Попытка найти ответы на эти вопросы составляет цель нашего выступления.

Для начала небольшой историографический обзор этого вопроса. В целом вся история советского общества в большинстве исторических исследованиях представляется как система целенаправленной не просто атеистической пропаганды, но и воинствующего атеизма и репрессий против священнослужителей.

Прав И. А. Исаев, когда говорит, что зарождение и развитие институтов отечественного государства и права «представляется единым процессом с множеством нюансов и повторений, имеет свои особенности»¹. Думается, деятельность того или иного руководителя страны и привносит эти свои особенности.

Историография вопроса изменения внутренней политики советского государства по отношению к Русской православной церкви во время Великой Отечественной войны частично затрагивается в некоторых исследованиях. Так, видный советский религиовед Д. Е. Фурман утверждал, что «*тоталитаризм Сталина принес в 1940-е гг. значительное улучшение положения РПЦ*»², а в энциклопедическом исследовании М. И. Одинцова выделяется периодизация истории государственно-православных отношений с 1917–1943 гг. и 1943–1985 гг.³ С этим мы в принципе не согласны, поскольку считаем, что в истории взаимоотношений Советского государства и православной церкви целесообразно выделить периоды:

- 1917–1936 гг. — годы оформления воинствующего атеизма и гонений на православную церковь;
- 1936–1953 гг. — годы сотрудничества с церковью в решении вопросов патриотического воспитания;
- 1953–1964 гг. — годы хрущевских гонений;
- 1964–1985 гг. — годы мирного сосуществования.

Следует признать, что в последний выделенный нами отрезок времени ясно прослеживается постепенная эволюция от крайних, репрессивных, до либеральных суждений о Русской православной церкви и ее месте в советском обществе. Особо хочется отметить ряд исследований, среди которых статья М. И. Чернова, в которой говорилось «об улучшении государственно-церковных отношений в стране в 1941–1945 годах»⁴, в то же время крупный историк из США У. Строен, исследовав государственно-церковные отношения в СССР в 1943–1962 гг., пришел к выводу, что «*...гонения против РПЦ были обусловлены политической природой советского режима, который был не только тоталитарным, но и атеистическим*»⁵. При более

¹ Исаев И. А. История государства и права России. М., 2002. С. 763.

² Фурман Д. Е. Религия, атеизм и перестройка // На пути к свободе совести : сборник / сост. и общ. ред. Д. Е. Фурмана, О. Марка. М., 1989. С. 7–18.

³ Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. С. 29–71.

⁴ Чернов М. И. Русская православная Церковь: прошлое и настоящее // Советская педагогика. 1988. № 6. С. 121–122.

⁵ Willam B. Stroyen. Communist Russia and the Russian Orthodox Church. 1943–1962. Washington. 1967. P. 230.

внимательном историко-правовом анализе событий и фактов отечественной истории по вышеизложенной проблематике наглядно видно, что это далеко не так.

Проанализировав ряд исследований по религиозной проблематике, можно сделать однозначный вывод, что в условиях советской власти наметилось два подхода — воинствующий, он был направлен в основном против Христианства, в особенности православного образца, и соглашательский, который демонстрировала советская власть к Исламу, который еще В. И. Ленин называл религией трудящихся Востока.

В довоенную историю отношение к христианству было отчасти обусловлено и неприятием многими его служителями идей Октябрьской революции и коммунистической интернациональной доктрины, в которой идеи социальной солидарности ставились выше национальных, религиозных и иных предпочтений.

Сама по себе идея пролетарского (коммунистического) интернационализма возродилась после Первой мировой войны и краха II Интернационала и создания III Интернационала во главе с В. И. Лениным. Да, эта метаморфоза внесла определенную сумятицу в умонастроения многих верных сынов революции — всем памятна фраза из фильма «Чапаев», сказанная главным героем в прояснении своей политической позиции в вопросе «за кого он, за коммунистов или большевиков». Она хорошо передает этот настрой.

В идейном наследии В. И. Ленина ныне часто муссируется фраза-призыв к расстрелу попов, в идейном наследии И. В. Сталина, даже в самый ранний период его восхождения к власти, мы не находим аналогичных высказываний. Только ли его семинарское происхождение являлось причиной этого? Нам представляется, что нет. Как руководитель многонационального государства, где основным сегментом государства был русский народ, он хорошо понимал роль и значение православия в создании многонационального сообщества и его культурного развития. Будучи, как он сам неоднократно заявлял, учеником В. И. Ленина, он не смел опровергать антиправославный тезис марксизма-ленинизма, хорошо просматриваемый в идейном учении Л. Д. Троцкого и Н. И. Бухарина, на идейном уровне, но на практическом предпринял ряд мер по воссозданию привычного мира ценностей русского народа, в частности его семейных и патриотических ценностей. Среди этих начальных шагов первым можно назвать реабилитацию регистрации института брака, да и множества бытовых моментов, например новогодних праздников.

Сама жизнь диктовала определенное политическое прозрение, пролетарии капиталистических стран не спешили проявлять свою пролетарскую солидарность, гораздо большие симпатии и гуманитарную помощь стране Советов оказывала западная интеллигенция. Но в целом и те и другие работу III Интернационала рассматривали в основном в корыстных для себя целях и интересах.

В конце 1930 гг. призывы «Руки прочь от Советской России» становились все глуше, идеи пролетарского интернационализма утрачивали свои позиции под напором националистических лозунгов. Это хорошо понимал И. В. Сталин и теоретически обосновывал идею о том, что в современных политических условиях социализм может победить в одной, конкретно взятой стране. Более того, провозгласив задачи социально-экономической модернизации — индустриализации, кооперации и культурной революции, он, не объявляя теоретически, но практически ясно дал понять своим прежним попутчикам, в частности Л. Д. Троцкому, что интересы собственного государства для него выше идей интернационализма, чем не преминул воспользоваться мексиканский диссидент, создав так называемый IV Интернационал, который продолжил свое существование и после злополучного использования ледоруба не по своему назначению. В эти же годы отчетливо проявляется тенденция в деятельности Сталина, направленная если и не на защиту православия, то во всяком случае создания объективно-доброжелательного к нему отношения. Началом этого мы считаем подписанное И. В. Сталиным в 1923 г. циркулярное письмо ЦК РКП(б) «Об отношении к религиозным организациям», в котором от имени Центрального комитета предлагалось всем партийным организациям на местах обратить свое самое серьезное внимание на исправление *«ряда серьезных нарушений, допущенных*

ими в области антирелигиозной пропаганды и в отношении к верующим и к их культурам»⁶. Постановлением прямо запрещалось закрытие церквей по мотивам неисполнения административных распоряжений органов местной власти. В том числе и за незарегистрированную «деятельность, неуплату налогов, аресты “религиозного характера”, если они не связаны с контрреволюционными деяниями»⁷.

В контексте вышеизложенного нельзя обойти вниманием постановление Комитета по делам искусств Совета Народных Комиссаров СССР от 14.11.1936 о запрете пьесы Демьяна Бедного «Богатыри», поставленной в московском Камерном театре режиссером А. Я. Таировым. В пьесе подвергались уничижительной критике канонизированный русской православной церковью князь Владимир и былинные русские богатыри. Демьян Бедный, отстаивая свой творческий замысел апеллировал к И. В. Сталину, но получил от него официальный ответ, который недвусмысленно говорит о позиции самого Сталина в отношении истории русского народа и в том числе православия. Отдавая должное таланту писателя, И. В. Сталин писал: «В чем существо Ваших ошибок? Оно состоит в том, что критика недостатков жизни и быта СССР, критика обязательная и нужная, развитая Вами вначале довольно метко и умело, увлекла Вас сверх меры и, увлекши Вас, стала перерастать в Ваших произведениях в клевету на СССР, на его прошлое, на его настоящее»⁸.

Объективно следует признать, что начиная с принятия Конституции СССР 1936 г. И. В. Сталиным православие стало рассматриваться не как враждебное мировоззрение, а как социокультурный феномен патриотического свойства. История Великой Отечественной войны неоспоримо свидетельствует о том, что многие общественно значимые, судьбоносные мероприятия в нашем государстве в те годы связаны с верой в Бога. Об этом же свидетельствуют слова И. В. Сталина, сказанные 7 ноября 1941 г. с трибуны мавзолея В. И. Ленина, его обращение «братья и сестры», упоминание имен православных святых — защитников Отечества, например, Александра Невского и Дмитрия Донского — задолго до Октябрьской революции причисленных к лику святых. Это была апелляция к определенному коду православной души русского народа.

Конечно же, не меньшее значение имеет и «встречное движение». Общеизвестно, что в день начала войны местоблюститель патриаршего престола Сергей составил и разослал по приходам воззвание «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». Некоторые исследователи отмечают и такой немаловажный факт, что в своем выступлении по радио 3 июля И. В. Сталин использовал принятое в православии обращение «братья и сестры»: он фактически упредил немецкую пропаганду, направленную на верующих граждан СССР и их призыв открывать на оккупированных территориях учреждения религиозного культа⁹. Что же касается тезиса о том, что «оказавшись в неожиданной коалиции с западными союзниками, СССР больше не мог полностью игнорировать озабоченность западных демократий насчет прав верующих в СССР»¹⁰, нам это кажется весьма малоубедительным, ибо кто такие эти западные демократии отчетливо показывает их реакция на из так называемые ночь длинных ножей, мюнхенский сговор, да и у солдат третьего рейха на бляхе ремня имелось упоминание Бога, что не делало их человечней.

Заботу советского правительства о русской православной церкви наглядно демонстрирует комплекс мер советского правительства по эвакуации патриархии

⁶ Циркулярное письмо ЦК РКП(б) от 16.08.1923 № 30 «Об отношении к религиозным организациям» // Архивы Кремля : в 2 кн. / подгот.: Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М., 1997. Кн. 1. С. 414.

⁷ Циркулярное письмо ЦК РКП(б) от 16.08.1923 № 30 «Об отношении к религиозным организациям». С. 418

⁸ Сталин И. В. Тов. Демьяну Бедному (Выдержки из письма). Соч. : в 16 т. М., 1951. Т. 13. С. 24.

⁹ Фурман Д. Е. Религия, атеизм и перестройка. С. 8.

¹⁰ Stroyen W. B. Communist Russia and the Russian Orthodox Church. 1943–1962. Washington D. C., 1967. P. 230.

из осажденной Москвы и ее обустройство в связи с болезнью местоблюстителя Сергия в Ульяновске (бывший Симбирск), где он и жил до возвращения в Москву в августе 1943 г., когда угроза гитлеровского захвата Москвы окончательно миновала.

В феврале 1942 г. патриархия смогла возобновить издательскую деятельность в условиях военного времени, а в пасхальную ночь 1942 г. и в последующих годах в крупных городах, в том числе столице и Ленинграде, отменялись постановления о соблюдении комендантского часа и разрешалось проведение крестных ходов.

Улучшению взаимоотношений между Советским государством, партией и православной церковью способствовало и то, что Сталин лично отвечал на телеграммы религиозных деятелей разных конфессий, рапортовавших ему о пожертвованиях в Фонд обороны, для чего патриархии был открыт банковский счет для централизованного внесения собираемых средств. Апогеем всей этой работы стала личная встреча И. В. Сталина с высшими иерархами русского православия, которая произошла 4 сентября 1943 г. Советское правительство на встрече представляли глава Правительства И. В. Сталин, бывший глава СНК, в то время министр иностранных дел В. М. Молотов, а также полковник НКГБ Г. Г. Карпов, назначенный в том же году председателем Совета по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР.

Русскую православную церковь представляли высшие иерархи, проделавшие большую патриотическую работу в начальный период войны, митрополиты: Местоблюститель Патриаршего престола Сергей (Страгородский), митрополит Ленинградский Алексей (Симанский) и митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич). Результатами встречи стало принятие судьбоносных для церкви решений об избрании Патриарха Русской православной церкви, создание органа для взаимодействия церкви с правительством — Совета по делам Русской православной церкви. В качестве резиденции для патриарха было предоставлено здание бывшей резиденции Германии в Москве. К этому следует добавить и такой немаловажный факт, что большая часть осужденных и находившихся в лагерях представителей православного духовенства была освобождена и получила возможность вернуться к своей прежней деятельности. Фактически закончились притеснения православия в стране, а «Союз воинствующих безбожников», с начала войны прекративший свою оголтелую деятельность сначала де факто, уже и де-юре с 1947 г. был подвергнут коренной перестройке.

Произошедшие по инициативе И. В. Сталина изменения в политике Коммунистической партии и Советского правительства по отношению к Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны представляют собой однозначный исторический факт. Кто-то видит в этом стремления И. В. Сталина заигрывать с многомиллионным русским народом, кто проявление его личных политических, в том числе и религиозных пристрастий. Нам представляется, что эти две точки зрения вовсе не противоречат друг другу и могут присутствовать в качестве доминантных причин его деятельности.

На основе анализа основополагающих нормативных правовых актов тех лет говорить об коренной эволюции отношения коммунистической партии и советского правительства к православию в виде законов не приходится. Однако не надо забывать и такой политико-правовой нюанс в истории государства и права нашего Отечества, что в 1917–1936 гг. основой законодательства признавались не только и не столько конкретные нормы права, сколько дух так называемого «революционного правосознания». И. В. Сталин в своей практической деятельности вошел в определенное противоречие с некоторыми постулатами адептов раннего большевизма, регламентирующих отношение к православию, что отчетливо видно на примере анализа нормативных актов партийных и советских ведомств, текстов и даже чаще из подтекстов его выступлений. С начала Великой Отечественной войны и фактически до своей смерти И. В. Сталин проводил по отношению к православию страны политику, которую мы бы назвали политикой «патриотического согласия». Она была поддержана высшими иерархами Русской православной церкви во главе с избранным патриархом Сергием и опиралась на патриотический подъем всего населения страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Исаев И. А.* История государства и права России. М., 2002. 860 с.
2. *Одинцов М. И.* Путь длиною в семь десятилетий от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести : сборник / сост. и общ. ред. Д. Е. Фурмана, О. Марка. М., 1989. 496 с.
3. *Сталин И. В.* Тов. Демьяну Бедному (Выдержки из письма). Соч. : в 16 т. М., 1951. Т. 13. 414 с.
4. *Фурман Д. Е.* Религия, атеизм и перестройка // На пути к свободе совести : сборник / сост. и общ. ред. Д. Е. Фурмана, О. Марка. М., 1989. 496 с.
5. Циркулярное письмо ЦК РКП(б) от 16.08.1923 № 30 «Об отношении к религиозным организациям» // Архивы Кремля : в 2 кн. / подгот.: Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М., 1997. Кн. 1. 597 с.
6. *Чернов М. И.* Русская православная церковь: прошлое и настоящее // Советская педагогика. 1988. № 6. С. 114–122.
7. *Stroyen W. B.* Communist Russia and the Russian Orthodox Church. 1943–1962. Washington D. C., 1967. 330 p.

REFERENCES

1. Isaev IA. Istoriya gosudarstva i prava Rossii [History of the State and Law of Russia]. Moscow; 2002 (In Russ.).
2. Odintsov MYu. Put dlinoyu v sem desyatiletiiy ot konfrontatsii k sotrudnichestvu (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v istorii sovetskogo obshchestva) [The path of seven decades from confrontation to cooperation (state-church relations in the history of Soviet society)]. In: Furman DE, Mark O, editors. On the Way to Freedom of Conscience. Moscow; 1989 (In Russ.).
3. Stalin IV. Tov. Demyanu Bednomu (Vyderzhki iz pisma). Works in 16 volumes. [To Com. Demyan Bednomyi (excerpts from the letter)]. Works in 16 volumes. Vol. 13. Moscow; 1951 (In Russ.).
4. Furman DE. Religiya, ateizm i perestroyka [Religion, Atheism and Perestroika]. In: Furman DE, Mark O, editors. On the Way to Freedom of Conscience. Moscow; 1989 (In Russ.).
5. Circular letter of the Central Committee of the RCP (b) dated August 16, 1923, No 30 «On the attitude towards religious organizations». Pokrovskiy NN, Petrov SG, compilers. The Kremlin Archives: in 2 books. Book 1. Moscow; 1997 (In Russ.).
6. Chernov MI. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov: proshloe i nastoyashchee [Russian Orthodox Church: The Past and present. *Sovetskaya pedagogika*. 1988;6:114-122 (In Russ.).
7. Stroyen WB. Communist Russia and the Russian Orthodox Church. 1943–1962. Washington D.C.; 1967.

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.14.2.026-029

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЕВРОПЕ

Николаев Андрей Михайлович, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент
119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1
dr.andrey.nikolaev@yandex.ru

© Николаев А. М., 2020

***Аннотация.** В статье анализируются важнейшие этапы укрепления международной безопасности после Второй мировой войны. При этом раскрывается взаимосвязь решения вопросов международной безопасности и защиты прав человека и основных свобод в Европе.*

***Ключевые слова:** государство; общество; международная безопасность, права человека; Вторая мировая война; послевоенная Европа; Совет Европы; Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе.*

INTERNATIONAL SECURITY AND HUMAN RIGHTS IN EUROPE

Andrey M. Nikolaev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President Russian Federation
pr. Vernadskogo, d. 82, str. 1, Moscow, Russia, 119571
dr.andrey.nikolaev@yandex.ru

***Abstract.** The article analyzes the most important stages of strengthening international security after the World War II. At the same time, the author describes the relationship between the resolution of the issues concerning international security and the protection of human rights and fundamental freedoms in Europe.*

***Keywords:** state; society; international security; human rights; World War II; post-war Europe; Council of Europe; Conference on Security and Cooperation in Europe.*

75 лет назад, в феврале 1945 г., на Ялтинской конференции руководители союзных держав официально заявили о принятом решении учредить всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности. При этом подчеркивалось, что создание такой организации важно как для предупреждения агрессии, так и для устранения политических, экономических и социальных причин войны путем тесного и постоянного сотрудничества всех миролюбивых народов¹.

¹ Тегеран — Ялта — Потсдам : сб. док. / сост.: Ш. П. Санакоев, Б. Л. Цыбулевский. М., 1971. С. 187–188.

Трагедия Второй мировой войны привела к явному усилению внимания к вопросам международной безопасности. В статье 1 Устава ООН целью учреждаемой организации провозглашается поддержание международного мира и безопасности, для чего могут предприниматься эффективные коллективные меры, направленные на предотвращение и устранение угрозы миру, подавление актов агрессии или других нарушений мира. Также в перечень целей ООН включается осуществление международного сотрудничества во имя уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка, религии. В Уставе ООН фактически на равных выступают правовое обеспечение международной безопасности и уважение прав человека и основных свобод. Более того, уже в преамбуле Устава ООН содержатся ключевые вводные характеристики, указывающие на соответствующий исторический контекст. Это заявления о решимости народов избавить грядущие поколения от бедствий войны и утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин, в равенство прав больших и малых наций. В Уставе ООН, который является основополагающим международным договором, зафиксировавшим стремление народов к миру, была заложена перспектива создания международно-правового регулирования вопросов международной безопасности и защиты прав и свобод человека без какого-либо противопоставления этих направлений.

На послевоенный период была рассчитана и Декларация об освобожденной Европе, составленная и подписанная на Ялтинской конференции 1945 г. В этом документе, кроме прочего, также заявляется о необходимости обеспечить безопасность для последующего развития. В частности, «установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору»². В связи с этим важно отметить, что создание демократических учреждений необходимо для эффективной защиты прав и свобод человека на национальном уровне.

Тесная взаимосвязь международной безопасности и прав человека достаточно четко проявилась в ходе Нюрнбергского процесса 1945–1946 гг. В ходе судебного следствия были предъявлены неопровержимые доказательства вины главных немецких военных преступников. Важно понимать, что нацистская Германия, вставшая на путь агрессивных войн, не просто нарушила нормы международного права, но и в стремлении к мировому господству вполне допускала и практиковала порабощение и уничтожение целых народов, захват ресурсов других государств, разрушение культурных ценностей и др. В связи с этим убийства военнопленных и гражданского населения, разграбление собственности, использование рабского труда не могли рассматриваться на Нюрнбергском процессе в отрыве от агрессивной войны, развязанной Германией и ее сателлитами. Соответственно, и тема международной безопасности получила совершенно конкретное наполнение, в частности, в выступлении Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко, который указал на то, что прогрессивное человечество не хочет повторения бедствий и не допустит, чтобы «шайка преступников безнаказанно готовила порабощение народов и истребление людей, а потом осуществляла свой изуверский план»³.

Дальнейшее существование правового регулирования обеспечения международной безопасности и защиты прав человека длительное время проходило под знаком «холодной войны». С одной стороны, развитие научно-технического прогресса, возникновение ядерного оружия и противостояние двух систем заставили серьезно задуматься о гарантиях международной безопасности. Данная тема неоднократно была предметом переговоров на самом высоком уровне: о создании европейской системы безопасности говорили на совещании руководителей СССР, США, Великобритании и Франции в Женеве в июле 1955 г., которое подарило нам выражение «дух Женевы»,

² Тегеран — Ялта — Потсдам : сб. док. С. 189.

³ Звягинцев А. Г. Главный процесс человечества. Нюрнберг : документы, исследования, воспоминания. М., 2011. С. 498.

по сути означавшее некоторое «потепление» в международных отношениях того времени⁴. С другой стороны, происходило становление международной защиты прав человека. В частности, появились Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

Могло сложиться впечатление, что два значимых направления межгосударственного сотрудничества (международная безопасность и права человека) расходятся, как железнодорожные магистрали в крупном транспортном узле. Тем более что само закрепление в Уставе ООН основных принципов международного права отнюдь не влекло за собой единого толкования этих принципов различными государствами в различные периоды времени. Например, формулировки Устава ООН о невмешательстве во внутренние дела государств многие страны использовали в качестве оборонительного щита для проводимой внутренней и внешней политики, включая нарушение основных прав и свобод человека⁵. И одновременно на этом фоне мог происходить советско-американский диалог в области ограничения и сокращения вооружений, в регулировании использования Антарктики в мирных целях и др.

В послевоенной Европе крайне интенсивно развивались два направления международного сотрудничества. Первым из них была европейская интеграция, основанная как на взаимном экономическом интересе государств, так и на необходимости решения связанных с экономическим развитием политических проблем, в частности установления гарантий мира между Францией и Германией при их одновременной заинтересованности в контроле за добычей угля и производством стали. Второе направление обозначается созданием в 1949 г. Совета Европы, который сегодня насчитывает 47 государств-членов и является крупнейшей европейской организацией. Основным направлением межгосударственного сотрудничества в рамках Совета Европы стало поддержание и осуществление прав человека и основных свобод. При этом с течением времени среди международных договоров, разработанных под эгидой Совета Европы, оказались международные соглашения, связанные с обеспечением международной безопасности: о предупреждении терроризма, об ответственности за коррупцию, о компьютерных преступлениях и т.д.

Наконец, векторы послевоенного правового регулирования международной безопасности и защиты прав человека в Европе получили очень яркое пересечение в виде Заключительного акта Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), подписанного 1 августа 1975 г. в Хельсинки. Подписанный документ не только открывал новые перспективы для дальнейшего укрепления мира, обеспечения европейской безопасности, развития многостороннего сотрудничества на основе принципов мирного сосуществования⁶, но и вводил принцип уважения прав человека в разряд самостоятельных принципов международного права, закладывал существенную базу для межгосударственного сотрудничества в области прав и основных свобод личности. В числе «трех корзин» безопасности в Заключительном акте СБСЕ были военно-политическое измерение, экономическое и экологическое измерение, а также человеческое измерение.

Заключительный акт СБСЕ довел до логического завершения взаимосвязанное правовое регулирование вопросов международной безопасности и прав человека в послевоенной Европе.

В настоящее время Российская Федерация в стремлении развивать устойчивое партнерство в международных отношениях активно вовлечена в межгосударственное сотрудничество в области прав человека. На внутригосударственном уровне человек, его права и свободы названы высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Однако

⁴ Жирнов Е. «Все-таки результат имелся». Сколько стоило уменьшение советской военной угрозы (14 декабря 2015 г.) // Официальный сайт газеты «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2861289> (дата обращения: 10.11.2020).

⁵ Карташкин В. А. Права человека и принципы международного права в XXI в. М., 2018. С. 50.

⁶ Зеленский Ю. И. Женева прошлая и современная. М., 1980. С. 107.

именно тенденции взаимодействия государств в области прав человека свидетельствуют, что мир не стал более безопасным после окончания «холодной войны». Новые вызовы и угрозы для поддержания международного мира и безопасности во многом стимулируют выработку актуальных стратегий сотрудничества, а также приложение совместных усилий государств и международных межправительственных организаций в области прав и свобод человека. Как справедливо заявил Президент РФ В. В. Путин на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в 2007 г., «проблематика международной безопасности много шире вопросов военно-политической стабильности. Это устойчивость мировой экономики, преодоление бедности, экономическая безопасность и развитие межцивилизационного диалога»⁷. Развитие глобализации, цифровой экономики, миграционных процессов, локальных вооруженных конфликтов, необходимость координации усилий в рамках международного сотрудничества в борьбе с трансграничной преступностью требуют задействования таких международных механизмов защиты прав человека, в практике которых вопросы реализации гарантий прав и свобод человека связаны с обеспечением безопасности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Жирнов Е.* «Все-таки результат имелся». Сколько стоило уменьшение советской военной угрозы (14 декабря 2015 г.) // Официальный сайт газеты «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2861289> (дата обращения: 10.11.2020).
2. *Звягинцев А. Г.* Главный процесс человечества. Нюрнберг : документы, исследования, воспоминания. М., 2011. 656 с.
3. *Зеленский Ю. И.* Женева прошлая и современная. М., 1980. 229 с.
4. *Карташкин В. А.* Права человека и принципы международного права в XXI в. М., 2018. 148 с.
5. *Путин В. В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10 февраля 2007 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 10.11.2020).
6. Тегеран — Ялта — Потсдам : сб. док. / сост.: Ш. П. Санакоев, Б. Л. Цыбулевский. М., 1971. 416 с.

REFERENCES

1. Zhirnov E. «Vse-taki rezultat imelsya». skolko stoilo umenshenie sovetskoy voennoy ugrozy (14 dekabrya 2015 g.) [«After all, the result was available.» How much cost the reduction of the Soviet military threat (December 14, 2015)]. The Kommersant website. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2861289> (accessed: 10 Nov 2020) (In Russ.).
2. Zvyagintsev AG. Glavnyy protsess chelovechestva. Nyurnberg: dokumenty, issledovaniya, vospominaniya [The main trial of humanity. Nuremberg: documents, studies, memories]. Moscow; 2011 (In Russ.).
3. Zelenskiy Yul. Zheneva proshlaya i sovremennaya [Past and modern Geneva]. Moscow; 1980 (In Russ.).
4. Kartashkin VA. Prava cheloveka i printsipy mezhdunarodnogo prava v XXI v. [Human rights and principles of international law in the 21st century]. Moscow; 2018 (In Russ.).
5. Putin VV. Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy (February 10, 2007). Official website of the President of the Russian Federation. URL: <http://www.kremlin.ru> (accessed: 10 Nov 2020) (In Russ.).
6. Sanakoev ShP, Tsybulevskiy BL, compilers. Tehran — Yalta — Potsdam: Collection of documents. Moscow; 1971 (In Russ.).

⁷ *Путин В. В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10 февраля 2007 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 10.11.2020).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.14.2.030-039

ОБЛИК ГЕРМАНИИ НА СТРАНИЦАХ ВНЕПАРТИЙНОГО ЖУРНАЛА «ГОЛОС МИНУВШЕГО» В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Гаврилов Сергей Владимирович, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уральского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат исторических наук
454135, Россия, Челябинск, ул. Энергетиков, д. 63
sv.gavrilov@inbox.ru

© Гаврилов С. В., 2020

***Аннотация.** В статье рассматривается формирование образа Германии на материалах исторического журнала «Голос минувшего» во время Первой мировой войны. Автор обращает внимание на борьбу двух тенденций при изучении истории Германии на страницах издания: научности и политизации. Они проявлялись исходя из анализа деловой переписки двух соредакторов, В. И. Семевского, ориентирующегося на сохранение научности издания, и С. П. Мельгунова, призывавшего в угоду расширения целевой аудитории давать ответы на возникающие современные вопросы. Делается вывод о том, что только высокий научный и нравственный авторитет В. И. Семевского не дал возможность превратить «Голос минувшего» до конца 1916 г. в одно из типичных периодических изданий с пропагандистским уклоном в вопросах освещения новой истории Германии.*

Ключевые слова: война; Первая мировая война; милитаризм; образ врага; шовинизм; В. И. Семевский; С. П. Мельгунов; журнал «Голос минувшего»; редакционная политика.

THE IMAGE OF GERMANY ON THE PAGES OF THE NON-PARTISAN JOURNAL «GOLOS MINUVSHEGO» DURING THE FIRST WORLD WAR

Sergey V. Gavrilov, Cand. Sci. (History) Associate Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Ural Branch of the Russian State University of Justice
ul. Energetikov, d. 63, Chelyabinsk, Russia, 454135
sv.gavrilov@inbox.ru

***Abstract.** The article examines the formation of the image of Germany based on the materials of the historical journal «Golos minuvshego» during the First World War. The author draws attention to the struggle between two trends in the study of German history on the pages of the journal: the scientific trend and politisation trend. They were manifested based on the analysis of business correspondence between two co-editors — V. I. Semevskiy, focused on preservation of the scientific nature of the journal, and S. P. Melgunov, who called for the purpose of expanding the target audience to give answers to emerging modern questions. The conclusion is made that only*

high scientific and moral authority of V. I. Semevskiy prevented «Golos minuvshego» from turning into one of the typical periodicals with a propaganda bias concerning the issues of covering the new history of Germany until the end of 1916.

Keywords: war; World War I; militarism; image of the enemy; chauvinism; V. I. Semevskiy; S. P. Melgunov; «Golos minuvshego» Journal; editorial policy.

Начало выхода в свет одного из крупнейших исторических журналов — «Голоса минувшего» — пришлось на последний предвоенный 1913 г., хотя возникновение самой идеи создания товарищества «Задруга», проблемы финансирования проекта и состав редакционной комиссии обсуждались в переписке будущих редакторов С. П. Мельгунова и В. И. Семевского с рубежа 1911–1912 гг. Впервые намерение «затеять исторический журнал» было озвучено С. П. Мельгуновым в письме к В. И. Семевскому в ноябре 1911 г. С. П. Мельгунов полагал: «...Он весьма своевременен и может хорошо пойти. Журнал не должен быть слишком специальным, не должен быть посвящен только освободительному движению. Живой журнал имеет все шансы и на материальный успех, а без него ведь ничего не сделаешь»¹. Тогда же было сделано предложение В. И. Семевскому стать одним из редакторов журнала, и в этом статусе ему гарантировалось «полное освобождение от всякой черновой работы, полное подчинение Вашему авторитету (с некоторыми спорами)»².

В. И. Семевский — один из признанных отечественных крестьяноведов и исследователей истории общественного движения и общественной мысли в России последней четверти XIX — начала XX в.

Историк относился к поколению тех самых «шестидесятников», чьи взгляды сформировались под влиянием таких «властителей дум» отечественной разночинной интеллигенции, как Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, П. Л. Лавров. Это был в значительной степени нравственный авторитет, «историк-гражданин», по выражению С. П. Мельгунова, для определенной части пронароднической и либеральной интеллигенции. В. И. Семевскому изначально был отдан карт-бланш на определение редакционной политики будущего журнала и состава редакционного комитета³. Была исполнена мечта историка-народника, к которой он шел в течение большей части своей сознательной жизни, наработывая опыт редакторской деятельности под руководством старшего брата, учредителя и издателя «Русской старины», в редактировании журнала «Устой» и неудавшейся попытке реанимации в начале 1890-х гг. закрытого в 1886 г. народнического журнала «Дело». Его однопартиец по народно-социалистической партии С. П. Мельгунов принадлежал к генерации исследователей младшего поколения, для которого служение идеалам органично сочеталось с необходимостью достижения определенной жизненной цели. С. П. Мельгунов, безусловно, обладавший предпринимательскими талантами, прагматизмом, энергией и деловой хваткой, стал издателем-редактором журнала, получившего название «Голос минувшего».

Издание по замыслу его создателей должно было носить внепартийный характер, объединяя под своими знаменами исследователей, оппозиционных по отношению к существующему политическому режиму. На страницах «Голоса минувшего» читатель легко обнаружит авторов разнообразной политической ориентации:

- представителей неонароднических партий эсеров и энесов (С. П. Мельгунова, В. И. Семевского и др.);
- кадетов (А. А. Корнилова, А. А. Кизеветтера), «легальных марксистов» (М. И. Туган-Барановского);

¹ Мельгунов С. П. Письмо В. И. Семевскому (ноябрь 1911 г.) // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 305. Оп. 1. Д. 92. Л. 22.

² Мельгунов С. П. Письмо В. И. Семевскому (ноябрь 1911 г.).

³ Гаврилов С. В., Гаврилова И. А. В. И. Семевский versus С. П. Мельгунов: концепции развития «внепартийного» журнала «Голос минувшего» в 1913–1916 гг. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 5 (170). С. 197.

- социал-демократов (марксистов) (М. Н. Покровского, Н. А. Рожкова, В. М. Фриче и др.);
- значительную группу формально беспартийных, демократически настроенных историков, литературоведов, публицистов.

Тематика и разделы журнала были оговорены В. И. Семевским и С. П. Мельгуновым осенью 1912 г. При этом инициатива в распределении информационного контента, помещаемого на страницах издания, принадлежала В. И. Семевскому. Он полагал, что его соотношение должно быть представлено следующим образом: «1/2 русской истории, 1/4 истории литературы, 1/4 всеобщей истории»⁴. Эти пропорции публикуемого в «Голосе минувшего» исторического нарратива не претерпели существенных изменений до кончины В. И. Семевского. Значительная часть работ в той или иной степени касалась истории освободительного движения в России и хронологически замыкалась XIX в. Исключение составляли статьи, рецензии и публикации исторических документов по всеобщей истории, имеющих более широкие временные границы, среди которых наблюдались труды по истории западноевропейской общественно-политической мысли.

Политическая атмосфера, складывающаяся в российском обществе в преддверии ожидаемого столкновения с Центральными державами, и первые военные месяцы внесли свои коррективы в планы редакционной политики журнала «Голос минувшего». «Немецкая тема» должна была вольно или невольно занять свое место в общем дискурсе журнала.

Националистические настроения, присущие большей части российской прессы этого времени, практически не сказались на содержании журнальных номеров «Голоса минувшего» первых месяцев войны. Ведущая роль в этом отношении принадлежала «историку-гражданину» В. И. Семевскому. Исследователь, с позиции ученого, должен давать научную оценку событиям Новейшей истории, а не заниматься исключительно фактографией. В связи с этим историк придерживался мнения о недопустимости увеличения раздела всеобщей истории в формате издания: «*Исторический журнал не может скакать петушком за всеми современными событиями... но до некоторой, небольшой впрочем, степени может с ними считаться. Кое-что из истории Германии, Австрии и их отношений с Россией и Францией дать было бы может и желательно, но... как бы ни оказалось потом даваемое ничемным с прекращением войны... Я против того, чтобы исторический журнал давал статьи, которые перед лицом общества могли бы оказаться не имеющими никакой ценности по прекращении войны*»⁵. Реализовать на практике в полном объеме подобные установки оказалось достаточно сложно.

Дискуссия между ведущими соредакторами нашла свое отражение в их эпистолярном наследии, отложившимся в личных фондах историков. С. П. Мельгунов как ученый-историк не являлся националистом или сторонником ура-патриотических представлений. Но как прагматичный, предприимчивый человек в интересах расширения целевой читательской аудитории мгновенно среагировал и решил использовать ситуацию.

В августе 1914 г., практически сразу же после объявления Манифеста о вступлении России в войну, он предложил В. И. Семевскому поручить В. В. Водовозову, пасынку В. И. Семевского и одновременно одному из известных неонароднических публицистов, специализировавшихся на проблемах социально-экономической и политической истории Западной Европы новейшего периода, написать обзорную статью «Россия и Германия за последние 40 лет». С. П. Мельгунова в данном случае не особенно волновало качество исторического материала. Главное — это скорость, с которой будет выполнена работа. «*Не беда, что только статья будет компилятивная.*

⁴ Семевский В. И. Письмо С. П. Мельгунову (15 сентября 1912 г.) // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 305. Оп. 1. Д. 696. Л. 43–43 об.

⁵ Семевский В. И. Письмо С. П. Мельгунову (26 июля 1914 г.) // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 305. Оп. 1. Д. 714. Л. 63–64.

Мне бы казалось, что если бы В. В. взялся за нее вплотную, он мог бы приготовить в две-три недели...»⁶

С. П. Мельгунов посоветовал В. И. Семевскому соединить августовскую и сентябрьскую книжки журнала и посвятить их характеристике современных внешнеполитических процессов. В ответ на свое заявление он получил недоуменную реакцию со стороны своего коллеги по редакторскому цеху В. И. Семевского, для которого стремительное реагирование на нужды текущего момента в принципе было неприемлемо. По представлению видного историка-народника, журнал задумывался в 1911–1912 гг. как исторический, для которого неотъемлемым атрибутом должна была стать именно научная объективность публикуемых исторических материалов. Вышеуказанные же действия С. П. Мельгунова ставили под угрозу, как считал В. И. Семевский, существование «Голоса минувшего» как уникального информационного проекта, призванного объединить широкие круги демократически ориентированной интеллигенции.

В ответ на этот упрек С. П. Мельгунов заявил, что он *«никогда не предлагал ломать журнал, брать шовинистический тон. К последнему совершенно не склонен»*⁷. Но речь-то в письме В. И. Семевского шла преимущественно о снижении научности публикуемых исторических материалов.

В сентябрьском номере журнала «Голос минувшего» С. П. Мельгунов в статье «Во имя национальной культуры» попытался сформулировать свое отношение к начавшейся войне. Присоединиться ли к дружному хору современных ему средств массовой информации, бичующих «тевтонский вандализм», или продемонстрировать свою антивоенную позицию? Для автора было малохарактерно стремление бросить вызов господствующим общественным настроениям. Он находился в состоянии растерянности. Его рассуждения сводились к осуждению антигуманных действий со стороны всех участвующих сторон. Справедливости ради отметим, для историка было неприемлемо возлагать ответственность за происходящие эксцессы на немецкий народ. *«Обвиняйте прусский милитаризм, годами воспитывавший в казарменной атмосфере грубой солдатчины, подавления человеческой личности. Обвиняйте во имя высших культурных требований всех тех, кто является злостным инспиратором, но бойтесь обвинения всей нации, всего народа, всей культуры»*⁸. В этих словах, да и в целом в статье, можно увидеть своеобразный идеологический стандарт, в рамках которого допускается освещать на страницах журнала «германскую» тему. Хотя, если мы обратим внимание на структуру статьи, то увидим, что она начинается и завершается пафосным осуждением «тевтонских жестокостей». По сути, единственное пожелание С. П. Мельгунова к потенциальным авторам журнала, заключалось в том, что каждый *«уважающий себя публицист обязан с особой осмотрительностью относиться к тем сведениям, которые подрывают нравственную и политическую репутацию заинтересованных народностей»*⁹. Подобного принципа придерживалась большая часть авторов, писавших о прошлом и настоящем Германии на страницах внепартийного журнала. Одним из признанных специалистов по политической истории Пруссии и Германии соредакторы считали В. Н. Перцева. Впервые его фамилия появилась в данном контексте в переписке С. П. Мельгунова и В. И. Семевского в 1909 г. при обсуждении макета третьего тома «Книги для чтения»¹⁰.

В серии номеров журнала за 1914–1917 гг. печаталась его многоплановая работа «Политика Гогенцоллернов», отражающая историю династии прусских королей и германских императоров на протяжении двух столетий. Исследование было

⁶ Мельгунов С. П. Письмо В. И. Семевскому (август 1914 г.) // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 305. Оп. 1. Д. 104. Л. 72.

⁷ Мельгунов С. П. Письмо В. И. Семевскому (август 1914 г.). Л. 41.

⁸ Мельгунов С. П. Во имя национальной культуры // Голос минувшего. 1914. № 9. С. 101.

⁹ Мельгунов С. П. Во имя национальной культуры. С. 108.

¹⁰ Мельгунов С. П. Письмо В. И. Семевскому (25 ноября 1909 г.) // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 305. Оп. 1. Д. 92. Л. 3.

выполнено на высоком научном уровне, и можно смело сказать, что налет шовинизма или германофобии для него был в целом нехарактерен¹¹.

В. Н. Перцев отметил на страницах «Голоса минувшего» серией обзоров иностранной печати, прежде всего австро-венгерской и германской, а также рядом рецензий, имеющих отношение к освещению «германской» темы. В сентябрьском номере «Голоса минувшего» в скрупулезном и объективном обзоре австрийской и германской прессы историк обратил внимание на «явное преобладание современных тем над историческими и имеющих отношение к международной политике над темами, посвященными внутренним отношениям»¹². Причина этого состояния виделась исследователю в том, что *«в международных отношениях последнего времени накопилось так много неразрешенных, но тем не менее настоятельно требующих своего разрешения вопросов, и дипломатические конфликты настолько обострились, что явилась потребность рассмотреть их в свете истории и наметить возможные линии их разрешения прежде, чем они так или иначе разрешатся на практике»*¹³.

Демонизации внутренней и внешней политики Германии и Австро-Венгрии в этом и подобном обзорах читающая аудитория не обнаружит. Собственно подобные акценты ему антипатичны, о чем ярко свидетельствует рецензия В. Н. Перцева на книгу М. А. Рейснера «Вильгельм II и железная империя», опубликованная в одном из номеров «Голоса минувшего» за 1915 г.: *«Штрихам, которые кладет на свою картину проф. Рейснер, нельзя отказать в яркости и выпуклости; его язык отличается красочностью и образностью, и от многих страниц его книги веет неподдельным талантом. Но в целом его книга производит впечатление скорее злой и остроумной инвективы, чем продуманной и теоретически обоснованной характеристики основных черт немецкой нации. Автор подчеркивает только одни отрицательные стороны германской культуры и рассматривает их притом вне исторической перспективы»*¹⁴.

Научная объективность характерна для немногочисленных публикаций историка-марксиста В. П. Волгина на страницах журнала. Небезынтересной представляется его рецензия на книгу французского исследователя Ю. Аррана об императоре Германии Вильгельме II. Яркими штрихами вслед за французским писателем автор охарактеризовал «патриархальные» воззрения императора на армию, флот, социальные процессы, место его в политической системе страны, сложные взаимоотношения с оппозицией, не опускаясь до уничижительной критики монарха. При этом исследователь правомерно предостерег читателя, что при всех сложностях взаимоотношений кайзера с оппозицией *«популярность Вильгельма громадна и массы пойдут за ним безропотно в минуту опасности. Наихудшая из ошибок — самообман относительно силы противника»*¹⁵.

Формирование образа врага в условиях Первой мировой войны стало неизбежным явлением для того исторического нарратива, который помещался на страницах «Голоса минувшего», несмотря на все усилия В. И. Семевского. Позволим себе не согласиться с утверждением Н. В. Ростиславлевой о том, что «научную взвешенность и относительный иммунитет перед вызовами военного времени сохранял еще один из авторов журнала — В. Фишер»¹⁶. Разумеется, в его статье «Гете и воинственная Пруссия», опубликованной в первом номере «Голоса минувшего» за 1915 г., мы не видим открытых ультрапатриотических или шовинистических настроений.

¹¹ См.: Перцев В. Н. Политика Гогенцоллернов // Голос минувшего. 1914. № 11. С. 49–74 ; № 12. С. 81–121 ; 1915. № 6. С. 58–80 ; № 7–8. С. 51–74 ; 1917. № 5–6. С. 154–233.

¹² Перцев В. Н. Перед войной. Бисмарк и балканские государства. Из переписки Гогенцоллернов // Голос минувшего. 1914. № 9. С. 228.

¹³ Перцев В. Н. Указ. соч. С. 228.

¹⁴ Перцев В. Н. Рецензия на книгу профессора М. Рейснера (Реуса) «Вильгельм II и железная империя» // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 299.

¹⁵ Волгин В. П. Французская книга о Вильгельме II // Голос минувшего. 1914. № 9. С. 319.

¹⁶ Ростиславлева Н. В. Образ Германии в российском историческом нарративе в годы Первой мировой войны (на примере журнала «Голос минувшего») // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 10 (43). Ч. 2. С. 280.

Но неприятие милитаризованной Пруссии в контексте характеристики образа И. В. Гете прослеживается у В. Фишера достаточно отчетливо. При этом взаимная антипатия носила не межличностный, а как раз во многом мировоззренческий характер. И. В. Гете преклонялся перед образом Фридриха II, но не воспринимал «воинственную Пруссию» как политическую систему. Историк правомерно обращал внимание на то, что «пруссский милитаризм, *“распростертые наготове когти черного орла” составляли нечто, с чем Гете никак мириться не мог, что было совершенно противно его гению*»¹⁷.

Целью В. М. Фриче, доцента Московского университета, стало стремление продемонстрировать на примере анализа германских футурологических утопий неприглядный облик империализма, связав его с исключительно воинственным духом, культом войны. Империалист, у В. М. Фриче, убежденный противник пацифизма, противник идеи мира вообще и, в частности, вечного мира. Такими апологетами войны в статье В. М. Фриче являлись немецкий историк Г. Вирт, генерал Ф. Бернгарди, а также другие многочисленные немецкие писатели. Они описывают и поэтизируют войны прошлого и будущего, войны на суше, на море и в воздухе, войны между Европой и Америкой, а также между различными расами. При этом привлекая на помощь и карикатурные расовые теории, которые пользуются в Германии известным успехом¹⁸.

Экстраполируя этот мир будущего из произведений германских писателей и публицистов с колониальными захватами, созданием колониальных империй и военно-политических союзов под эгидой Германии, видный российский искусствовед и литературовед не забывал о разоблачении социально-политических «идеалов» этого потенциально возможного общества будущего. В их основе лежат *«сильная монархическая власть, опирающаяся главным образом на землевладельческое дворянство (Розеггер), отчасти на крупную буржуазию (Ниман), упраздняющая вековые “права гражданина” (Розеггер), прививающая рабочим вместо классового — национальное самосознание (ген. Бернгарди), в случае надобности подавляющая республиканские и социалистические симпатии пролетариата ружьями померанских стрелков (Розеггер)»*¹⁹.

Иначе подходит к формированию образа врага В. А. Бутенко. Предметом анализа автора стала книга одного из ярких политиков и бывшего канцлера Германской империи Б. Бюлова в которой дается характеристика ключевых направлений внутренней и внешней политики страны начала XX в.: *«Вся книга Бюлова, несмотря на ее дипломатический язык и постоянные оговорки, проникнута характерным для современной Германии национальным самомнением»*²⁰. Логическим выводом является объявление немцев политически несовершеннолетними и отрицание за ними способности к политике. Поддержать господство юнкеров можно только военной силой. Отсюда необходимость милитаризма и оправдание его якобы непрерывно грозящими германским интересам опасностями. Отсюда и активная «мировая политика» для того, чтобы интересами колониальных завоеваний отвлекать немецкое бюргерство от вопросов внутреннего устройства Германии. Налицо, по мнению В. А. Бутенко, *«...полное оскудение политического творчества в правящем классе Германии. Это оскудение — естественный результат 50-летней политики “железа и крови”, которая “опруссачила” всю Германию»*²¹. Такими хлесткими выводами завершается взвешенный обзор книги бывшего немецкого канцлера. В данном случае известный прием, применяемый в журналистике, согласно которому читатель запоминает первый и последний фрагменты предлагаемого ему повествования. Если начало статьи дает нам понять, что Б. Бюлов, — одна из заметных фигур на фоне бесцветной германской

¹⁷ Фишер В. Гете и воинственная Пруссия // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 91.

¹⁸ Фриче В. М. Идеология германского империализма // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 40.

¹⁹ Фриче В. М. Указ. соч. С. 48.

²⁰ Бутенко В. А. Князь Бюлов о современной германской политике // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 256.

²¹ Бутенко В. А. Указ. соч. С. 262.

политики начала XX столетия, то ее завершающий фрагмент описывает оскудение этого «лучшего из худших» представителей германского истеблишмента.

Не будем винить автора обзора — таковы были потребности времени, переживаемого Россией. Созвучна оценкам В. А. Бутенко и анализ итальянской прессы о Германии Г. И. Шрейдера²². Автор, с одной стороны, высмеивает карикатурное преклонение немцев перед кайзером, но с другой стороны, акцентирует такую важную проблему, как ограниченность материальных ресурсов Четверного союза, которая приведет к поражению.

Особняком от других работ на «немецкую тему» стоит небольшая статья талантливой российской и советской историка Е. В. Тарле «Чего немцы должны требовать от русских?», увидевшая свет в февральском номере «Голоса минувшего» за 1915 г. Эта публикация не вызвала нареканий со стороны В. И. Семевского и была рекомендована к печати, что следует из его письма к С. П. Мельгунову²³. Меткие и ироничные характеристики одноименной брошюры безымянного прусского автора, датированной 1854 г. — временем апогея Крымской войны. Легко и непринужденно автор высмеивает стремление части правящих кругов тогдашней Пруссии потребовать от России, пользуясь особенностями момента, свободного въезда немцев и их беспощинной торговли в стране. А для того, чтобы решить поставленные задачи необходимо воспользоваться связями в правительственных кругах, известная часть которых была представлена русскоязычными немцами²⁴. Историк ассоциирует такое стремление с мелочной заботой «приобретателя о том, лишь бы не ускользнула от него давно облюбованное имение, хлопотливая мысль о том, чтобы использовать благоприятный момент для необходимого внедрения»²⁵.

Работ откровенно шовинистского плана почти не публиковалось. Как полагает Н. В. Ростиславлева, «откровенно националистический сюжет»²⁶ был опубликован в октябрьском номере за 1916 г. — статья историка и литератора Н. И. Проферансова «Из истории германского национализма»²⁷, посвященная создателю гимнастических обществ и одному из идеологов германского национализма Ф.-Л. Яну. С данным утверждением достаточно сложно согласиться по ряду оснований:

- Н. И. Проферансов в годы первой российской революции примыкал к большевикам, для которых национализм не характерен;
- ко времени написания статьи автор стал близок анархо-синдикалистам и увлекся идеями и практикой масонства, для которых национализм также не свойственен.

Уместнее вести речь о работе компилятивного характера невысокого научного уровня. Знакомство со статьей Н. И. Проферансова позволяет говорить о том, что автор осуждал крайние формы прусского национализма, ему претил откровенный антидемократизм идей Ф.-Л. Яна как одного из идеологов германского националистического движения в первой половине XIX в. Н. И. Проферансову было неприятно массивное вмешательство государства во все сферы общественной жизни: «Мы имеем здесь дело больше, чем с простой верой в воздействие полицейских мер. Перед нами ярко выраженное представление о государстве как единственной и высшей силе общественности. Ян создает утопию, которая распространяет свою регламентацию на все стороны человеческой жизни»²⁸.

²² Шрейдер Г. И. Германия и Франция в итальянской печати // Голос минувшего. 1915. № 3. С. 241–242.

²³ Семевский В. И. Письмо к С. П. Мельгунову (4 января 1915 г.) // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 305. Оп. 1. Д. 719. Л. 14.

²⁴ Тарле Е. В. Чего немцы должны требовать от русских? // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 264.

²⁵ Тарле Е. В. Чего немцы должны требовать от русских? С. 269.

²⁶ Ростиславлева Н. В. Указ. соч. С. 283.

²⁷ См.: Проферансов Н. И. Из истории германского национализма // Голос минувшего. 1916. № 10. С. 1–22.

²⁸ Проферансов Н. И. Указ. соч. С. 22.

Симптоматично, что такая работа невысокого научно-теоретического уровня была опубликована в октябрьском номере «Голоса минувшего», значительная часть которого занята материалами, посвященными памяти скончавшегося 21 сентября 1916 г. В. И. Семевского, активно боровшегося против публикации низкопробных работ на страницах исторического внепартийного журнала. О высокой научной планке, которую держал журнал, свидетельствуют его оценки в пределах исторического сообщества. К числу таковых можно отнести мнение Е. В. Тарле, выраженное им в письме к С. П. Мельгунову от 13.03.1915 г. Историк, в частности, писал: «Я смотрю на “Голос минувшего” как на трезвый и беспристрастный орган»²⁹.

После смерти В. И. Семевского, являвшегося своеобразным внутренним «цензором» «Голоса минувшего», на его страницах стали активно появляться работы невысокого научного свойства на «немецкую» тему и не только. Причины данного состояния имели отчасти объективный характер. Позиция С. П. Мельгунова во многом сводилась к стремлению сохранить журнал в условиях революции и экономического кризиса в стране, поддерживать его рентабельность. Это диктовало необходимость публикации востребованных в обществе материалов в целях увеличения целевой аудитории издания за счет понижения научного уровня работ.

Во время Первой мировой войны и стагнации общественного движения «Голос минувшего» стал тем изданием, которое смогло сплотить демократически ориентированных профессиональных историков. «Голос минувшего» в условиях военного времени, в основном благодаря усилиям В. И. Семевского, не превратился из исторического журнала, освещавшего на более или менее высоком теоретическом уровне «немецкую тему», в одно из типичных ура-патриотических или шовинистических изданий. Формирование образа врага в лице Германии носило достаточно взвешенный характер. Позиция С. П. Мельгунова, как в фарватере общей редакционной политики, так и применительно к освещению прошлого и настоящего Германии, во многом исходила из потребностей сохранения и расширения рыночного сегмента журнала. А это могло приводить и приводило к понижению научности и объективности публикуемых материалов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бутенко В. А. Князь Бюлов о современной германской политике // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 254–262.
2. Волгин В. П. Французская книга о Вильгельме II // Голос минувшего. 1914. № 9. С. 302–319.
3. Гаврилов С. В., Гаврилова И. А. В. И. Семевский versus С. П. Мельгунов: концепции развития «внепартийного» журнала «Голос минувшего» в 1913–1916 гг. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 5 (170). С. 196–203.
4. Мельгунов С. П. Во имя национальной культуры // Голос минувшего. 1914. № 9. С. 98–109.
5. Мельгунов С. П. Письмо В. И. Семевскому (25 ноября 1909 г.) // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 305. Оп. 1. Д. 92. Л. 3.
6. Мельгунов С. П. Письмо В. И. Семевскому (август 1914 г.) // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 305. Оп. 1. Д. 104.
7. Мельгунов С. П. Письмо В. И. Семевскому (ноябрь 1911 г.) // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 305. Оп. 1. Д. 92. Л. 22.
8. Перцев В. Н. Перед войной. Бисмарк и балканские государства. Из переписки Гогенцоллернов // Голос минувшего. 1914. № 9. С. 299–301.
9. Перцев В. Н. Политика Гогенцоллернов // Голос минувшего. 1914. № 11. С. 49–74 ; № 12. С. 81–121 ; 1915. № 6. С. 58–80 ; № 7–8. С. 51–74 ; 1917. № 5–6. С. 154–233.

²⁹ Тарле Е. В. Письмо С. П. Мельгунову (13 марта 1915 г.) // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 305. Оп. 1. Д. 1315. Л. 61–62.

10. Перцев В. Н. Рецензия на книгу профессора М. Рейснера (Реуса) «Вильгельм II и железная империя» // *Голос минувшего*. 1915. № 2. С. 299–301.
11. Проферансов Н. И. Из истории германского национализма // *Голос минувшего*. 1916. № 10. С. 1–22.
12. Ростиславлева Н. В. Образ Германии в российском историческом нарративе в годы Первой мировой войны (на примере журнала «Голос минувшего») // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2018. № 10 (43). Ч. 2. С. 274–285.
13. Семевский В. И. Письмо к С. П. Мельгунову (4 января 1915 г.) // *Российский государственный архив литературы и искусства*. Ф. 305. Оп. 1. Д. 719. Л. 14.
14. Семевский В. И. Письмо С. П. Мельгунову (15 сентября 1912 г.) // *Российский государственный архив литературы и искусства*. Ф. 305. Оп. 1. Д. 696. Л. 43–43 об.
15. Семевский В. И. Письмо С. П. Мельгунову (26 июля 1914 г.) // *Российский государственный архив литературы и искусства*. Ф. 305. Оп. 1. Д. 714. Л. 63–64.
16. Тарле Е. В. Письмо С. П. Мельгунову (13 марта 1915 г.) // *Российский государственный архив литературы и искусства*. Ф. 305. Оп. 1. Д. 1315. Л. 61–62.
17. Тарле Е. В. Чего немцы должны требовать от русских? // *Голос минувшего*. 1915. № 2. С. 263–269.
18. Фишер В. Гете и воинственная Пруссия // *Голос минувшего*. 1915. № 1. С. 88–99.
19. Фриче В. М. Идеология германского империализма // *Голос минувшего*. 1914. № 12. С. 33–48.
20. Шрейдер Г. И. Германия и Франция в итальянской печати // *Голос минувшего*. 1915. № 3. С. 231–242.

REFERENCES

1. Butenko VA. Knyaz Byulov o sovremennoy germanskoj politike [Prince Byulov on modern German politics]. *Golos minuvshego*. 1915;2:254-262 (In Russ.).
2. Volgin VP. Frantsuzskaya kniga o Vilgelme II [The French book about William II]. *Golos minuvshego*. 1914;9:302-319 (In Russ.).
3. Gavrilov SV, Gavrilova IA. V. I. Semevskiy versus S. P. Melgunov: kontseptsii razvitiya «vnepartiynogo» zhurnala «Golos minuvshego» v 1913–1916 gg. [I. Semevsky versus SP Melgunov: the concept of development of the «non-partisan» Journal «Golos minuvshego» in 1913–1916]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2016;5(170):196-203 (In Russ.).
4. Melgunov SP. Vo imya natsionalnoy kultury [In the name of national culture]. *Golos minuvshego*. 1914;9: 98-109 (In Russ.).
5. Melgunov SP. Pismo V. I. Semevskomu (25 noyabrya 1909) [Letter to VI Semenovskiy (November 1911)]. *Russian State Archive of Literature and Art*. F. 305. Op. 1. D. 92. L. 3 (In Russ.).
6. Melgunov SP. Pismo V. I. Semevskomu (avgust 1914) [Letter to VI Semenovskiy (August 1914)]. *Russian State Archive of Literature and Art*. F. 305. Op. 1. D. 104. (In Russ.).
7. Melgunov SP. Pismo V. I. Semevskomu (noyabr 1911) [Letter to VI Semenovskiy (November 1911)]. *Russian State Archive of Literature and Art*. F. 305. Op. 1. D. 92. L. 22 (In Russ.).
8. Pertsev VN. Pered voynoy. Bismarck i balkanskije gosudarstva. Iz perepiski Gogentsollernov [Before the war. Bismarck and the Balkan states. From the correspondence of Hohenzollerns]. *Golos minuvshego*. 1914;9:299-301 (In Russ.).
9. Pertsev VN. Politika Gogentsollernov [Politics of Hohenzollerns]. *Golos minuvshego*. 1914;11:49-74; 12:81-121; 1915;6:58-80; 7-8:51-74; 1917;5-6:154-233 (In Russ.).
10. Pertsev VN. Retsenziya na knigu Professora M. Reysnera (Reusa) «Vilgelm II i zheleznaya imperiya» [Review of the book by Professor M. Reusner (Reus) «Wilhelm II and the Iron Empire»]. *Golos minuvshego*. 1915;2:299-301 (In Russ.).
11. Proferansov NI. Iz istorii germanskogo natsionalizma [From the history of German nationalism]. *Golos minuvshego*. 1916;10:1-22 (In Russ.).
12. Rostislavleva NI. Obraz Germanii v rossiyskom istoricheskom narrative v gody Pervoy mirovoy voyny (na primere zhurnala «Golos minuvshego») [The image of Germany in the

- Russian historical narrative during the First World War (on the example of the «Golos minuvshogo»). *RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*. 2018. 10(43):274-285 (In Russ.).
13. Semevskiy VI. Letter to SP Melgunov (January 4, 1915). Russian State Archive of Literature and Art. F. 305. Op. 1. D. 719. L. 14. (In Russ.).
 14. Semevskiy VI. Letter to SP Melgunov (September 15, 1912). Russian State Archive of Literature and Art. F. 305. Op. 1. D. 696. L. 43–43 ob. (In Russ.).
 15. Semevskiy VI. Letter from SP Melgunov (July 26, 1914). Russian State Archive of Literature and Art. F. 305. Op. 1. D. 714. L. 63-64 (In Russ.).
 16. Tarle EV. Letter to SP Melgunov (March 13, 1915). Russian State Archive of Literature and Art. F. 305. Op. 1. D. 1315. L. 61–62 (In Russ.).
 17. Tarle EV. Chego nemtsy dolzhny trebovat ot russkikh? [What should the Germans demand from the Russians?]. *Golos minuvshogo*. 1915;2:263-269 (In Russ.).
 18. Fisher V. Gete i voinstvennaya Prussiya [Goethe and the warlike Prussia]. *Golos minuvshogo*. 1915;1:88-99 (In Russ.).
 19. Fritche VM. Ideologiya germanskogo imperializma [Ideology of German imperialism]. *Golos minuvshogo*. 1914;12:33-48 (In Russ.).
 20. Schrader GI. Germaniya i Frantsiya v italyanskoy pechati [Germany and France in Italian press]. *Golos minuvshogo*. 1915;3:231-242 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.14.2.040-044

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПЕРЕУСТРОЙСТВО ЕВРОПЫ: ДИПЛОМАТИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС

Красильникова Татьяна Константиновна, заведующий кафедрой юриспруденции
Волжского филиала Волгоградского государственного университета, кандидат
юридических наук, доцент
404133, Россия, Волжский, ул. 40 лет Победы, д. 11
kun_krasilnikova@mail.ru

© Красильникова Т. К., 2020

***Аннотация.** В статье рассматриваются планы послевоенного переустройства Европы, выдвинутые странами-союзниками по антигитлеровской коалиции. Символом раскола Европы стал раскол Германии. Придавая стратегическую и экономическую важность Германии, риск ее объединения и нейтрализации был неприемлем для стран-победительниц.*

***Ключевые слова:** война; Вторая мировая война; коалиция, союзники; военная администрация; послевоенное устройство; оккупационная зона; региональный альянс; федерализм.*

THE WORLD WAR II AND THE REORGANIZATION OF EUROPE: WINNERS' DIPLOMACY AND THE GERMAN QUESTION

Tatyana K. Krasilnikova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department
of Jurisprudence, Volga Branch of Volgograd State University
ul. 40 let Pobedy, d. 11, Volzhskiy, Russia, 404133
kun_krasilnikova@mail.ru

***Abstract.** The article discusses the plans for the post-war reorganization of Europe put forward by the allied countries of the anti-Hitler coalition. The split of Germany became a symbol of the split of Europe. By giving strategic and economic importance to Germany, the risk emerged of its unification and neutralization, which was unacceptable to the winning countries.*

***Keywords:** war; World War II; coalition, allies; military administration; post-war structure; occupation zone; regional alliance; federalism.*

С окончанием Второй мировой войны страны-победители были вовлечены в послевоенное устройство Европы, которое во многом зависело от решения германского вопроса. Германский вопрос — одна из европейских геополитических проблем XIX–XX вв., которая была тесно связана с определением статуса и границ Германии с момента прекращения существования Священной Римской империи в 1806 г. до объединения Германии в 1990 г.

Раскол Германии после окончания Второй мировой войны стал условием, при котором возможно было сохранение мира: «...При дальнейшем продвижении войск Красной Армии на Запад при освобождении стран Восточной Европы от фашистских захватчиков, ни у кого не вызывало сомнений относительно неизбежности войны»¹.

Германия разделяется на четыре оккупационные зоны: советскую, американскую, британскую и французскую. Для осуществления закрепленных в Потсдаме целей политики стран антигитлеровской коалиции в отношении Германии в июне 1945 г. был создан Союзный Контрольный совет, в функции которого входила задача обеспечения согласованности действий главнокомандующих в своих зонах, выработка совместных решений по основным вопросам, касающимся всей Германии. Решения Контрольного совета считались принятыми лишь в том случае, если за них проголосовали все члены совета. Позиции союзников по вопросу о верховной власти в Германии расходились:

- Великобритания предложила учредить Верховную союзную комиссию в Германии «для разработки и проведения единой политики в отношении данной страны»² и возложить на нее руководство оккупационными армиями;
- США требовали наделить главнокомандующих всей полнотой власти в зонах оккупации³.

На пост руководителя американской военной администрации в Германии, заместителем главнокомандующего американскими вооруженными силами в Европе Д. Эйзенхауэра был назначен помощник госсекретаря США Дж. Бирнса в военном ведомстве генерал Л. Клей⁴.

Военное министерство непосредственно осуществляло свой контроль и руководство деятельностью американской военной администрации в Германии⁵. Госдепартамент же США должен был осуществлять контроль за выполнением тех требований, которые через директивы передавались правительством США руководству своей администрации⁶. Политическим советником США в Германии был назначен Р. Мэрфи, который выступал представителем госдепартамента США в американской военной администрации. Американская военная администрация должна была руководствоваться в своей деятельности в Германии основными принципами, определенными секретной директивой Генерального штаба, известной как директива под номером 1067⁷. Например, ею предписывалось проводить судебные процессы над нацистскими преступниками на зональной основе, чтобы, как писал Л. Клей, «дело не доходило до Международного трибунала»⁸. Одним из предписаний данной директивы было введение так называемого карантина, в соответствии с которым немецкому населению запрещалась любая политическая и профсоюзная деятельность.

Относительно репарационной политики. Согласно Потсдамским договоренностям репарации во всех четырех зонах оккупации должны были взиматься в пользу СССР и Польши. Клеем не отрицалась возможность предоставить СССР из американской зоны «помощь» (так расценивал генерал репарационные поставки Советскому Союзу), но с оговоркой, «если это болезненно не отразится на американской экспортно-импортно-импортной программе, которая должна была основываться на обращении с Германией как экономическим целым»⁹. Представители же СССР в Союзном Контрольном совете, напротив, заявляли о том, что экспортно-импортную программу невозможно будет реализовать для всей Германии до тех пор, пока репарационная программа не будет завершена полностью.

¹ Morgenthau H. J. Germany and the Future of Europe. Chicago, 1951. P. 17.

² Morgenthau H. J. Op. cit. P. 23–24.

³ Habe H. Our Love Affair with Germany. N. Y., 1953. P. 26.

⁴ Morgenthau H. J. Op. cit. P. 142–163.

⁵ Brown L. H. A Report on Germany. N. Y., 1947. P. 6–7.

⁶ Burchett W. Cold War in Germany. Melbourne, 1950. P. 23.

⁷ Schwarz H. P. Vom Reich zur Bundesrepublik. Stuttgart, 1980. S. 179.

⁸ Хаффнер С. Самоубийство германской империи. М., 1972. С. 106.

⁹ Morgenthau H. J. Op. cit. P. 76–77.

США выступали за необходимость сохранения оккупационного режима в Германии, «до тех пор пока союзнические цели не будут выполнены». Принятие же предложения Советского Союза об окончательном выводе из Германии всех оккупационных войск представлялось для США «невозможным» по причине того, что советские войска отойдут только к восточным границам Германии, оставаясь на территории Польши, Чехословакии, Югославии и других стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Отход же оккупационных сил из западных зон мог быть истолкован как полный отказ от военных интересов США и Великобритании на европейском континенте, что было неприемлемо для западной дипломатии.

2 декабря 1946 г. госсекретарем США Дж. Бирносом и министром иностранных дел Великобритании Э. Бевином было подписано соглашение об экономическом и административном объединении двух зон оккупации сроком до 1951 г. и о создании Бизонии, что выводило обе зоны из под четырехстороннего контроля и тем самым разрушало всю систему управления Германией, предусмотренную Потсдамским соглашением. Одновременно, с конца 1946 г., США стали добиваться прекращения законодательной деятельности Контрольного Совета, предлагая передать его функции полностью командующим зонами или правительствам земель и свести задачи этого верховного органа союзников лишь «к рассмотрению вопросов, возникающих при обеспечении оккупационных войск»¹⁰.

Создание Бизонии было непосредственно связано с переходом США к реализации своих экономических и политических планов в отношении Европы. 17 января 1947 г. Д. Даллес, который в то время являлся советником госсекретаря США, на очередной сессии Совета Министров иностранных дел заявил, что «разрешение германского вопроса будет способствовать экономическому объединению Европы, без которого не может быть достигнуто объединение политическое»¹¹. Для США становилось особо важным укрепление экономических позиций Бизонии в Европе, ибо «только с помощью соединения железной руды Лотарингии с коксом Рура возможен был экономический подъем Европы»¹². По А. Даллесу, «только страна как целое, а не ее части могла быть членом регионального альянса»¹³. Создание такого союза в Европе прикрывалось тезисом о необходимости так называемой «федерализации» Европы. Со слов А. Даллеса, «федерализм являлся удобной формой для решения европейских дел и осуществления контроля за их выполнением»¹⁴.

В госдепартаменте США была создана специальная группа планирования политики США во главе с Дж. Кеннаном, которая должна была найти пути укрепления американского влияния в западноевропейских странах. Главным рычагом воздействия признавалась экономическая помощь. К 23 мая 1947 г. был подготовлен соответствующий документ, который стал основой известного всем «плана Маршалла» — «Программа восстановления Европы». Госсекретарь США Дж. Маршалл предложил кредиты не отдельным странам, а Европе в целом. От участия в плане Маршалла отказались СССР, Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия и Финляндия.

В политике США в германском вопросе с 1948 г. стали появляться новые тенденции, что было связано с переходом американского правительства к практической реализации своих военно-политических планов на европейском континенте. Проводимая Соединенными Штатами политика в отношении европейских стран тесным образом связывалась ими с необходимостью поддержания на неограниченный срок своего военного присутствия в Европе, и в первую очередь — в Германии. Мирное же урегулирование германской проблемы исключало такую возможность. Перед американской дипломатией была поставлена задача недопущения принятия решения

¹⁰ Foreign Relations of the United States // Diplomatic papers. 1948. V. 2. Washington, 1973. P. 349.

¹¹ Dulles A. W. Alternatives for Germany // Foreign affairs. 1947. Vol. 25. № 3. P. 426–427.

¹² Brown L. H. A Report on Germany. N. Y., 1947. P. 159.

¹³ Dulles A. W. Op. cit. P. 431.

¹⁴ Dulles A. W. Op. cit. P. 432.

по вопросу о подписании мирного договора с Германией, что означало бы конец ее оккупации.

В своем меморандуме от 12.08.1948 руководитель Совета политического планирования Дж. Кеннан обратил внимание на тот факт, что госдепартамент и военное министерство придерживались мнения, согласно которому, «при сложившихся к лету 1948 г. обстоятельствах объединение Германии было возможно лишь при условии ухода всех оккупационных сил союзников»¹⁵, но эта возможность для Соединенных Штатов виделась лишь путем замены оккупационных сил военно-политическим альянсом.

Раскол Германии США стремились представить «необходимым» шагом по пути «федерализации Европы». После победы над фашизмом присоединение к военно-политическому альянсу всей Германии было «либо невозможно, либо усложнило саму структуру новой интеграции»¹⁶. Решающее значение в окончательном расколе Германии сыграло введение в западной зоне марки и присоединение Бизонии к «плану Маршалла». Ответом СССР было введение в восточной зоне своей валюты. Особую остроту противостояние между союзниками имело в Берлине, разделенном, так же как и страна, на зоны оккупации. Таким образом, соглашения, ранее достигнутые на Потсдамской конференции 1945 г., которые требовали единого управления Германией на четырехсторонней основе, стали невыполнимыми.

В марте 1949 г. одновременно с подготовкой создания Североатлантического блока в госдепартаменте США шло бурное обсуждение вопросов, связанных с провозглашением западногерманского государства. Тогда же в Западной Германии приближалась к завершению работа Парламентского совета по созданию проекта Основного закона (Конституции) нового государства. 9 марта 1949 г. Парламентскому совету был вручен так называемый «Франкфуртский» меморандум за подписями губернаторов трех западных зон, в котором прозвучало требование придания западногерманскому государству федеративного характера, в частности, «расширения прав земель и большей финансово-налоговой автономии»¹⁷. В свою очередь, по настоянию западных стран Парламентский совет согласился включить в Основной закон специальную статью 24, в которой указывалось, что «государство могло передавать свои суверенные права межгосударственным органам», тем самым устанавливалась правовая основа для участия Западной Германии в международных союзах.

На самом деле никакой «неизбежности» раскола Германии и Европы после Второй мировой войны не было. Неверно было бы рассматривать политику западных стран упрощенно, сводя лишь к вопросу: желали ли они раскола Германии или нет? Страны Запада хорошо понимали, что такой раскол наряду с образованием ФРГ приведет к образованию Восточной Германии, которую США также желали вовлечь в выполнение плана Маршалла. Тем не менее, придавая стратегическую и экономическую важность Германии, риск объединения и нейтрализации, как это уже имело место на примере Австрии (1945–1955), был неприемлем для стран-победительниц — прежде всего США и СССР.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Хаффнер С. Самоубийство германской империи. М., 1972. 113 с.
2. Badstubner R., Thomas S. Die Spaltung Deutschlands. 1945–1949. Berlin, 1966. 304 S.
3. Brown L. H. A Report on Germany. N. Y., 1947. 247 p.
4. Burchett W. Cold War in Germany. Melbourne, 1950. 137 p.
5. Dulles A. W. Alternatives for Germany // Foreign affairs. 1947. Vol. 25. № 3. P. 421–433.

¹⁵ Цит. по: Dulles A. W. Op. cit. P. 428.

¹⁶ Foreign Relations of the United States // Diplomatic papers. 1947. V. 2. Washington, 1972. P. 422.

¹⁷ Badstubner R., Thomas S. Die Spaltung Deutschlands. 1945–1949. Berlin, 1966. S. 304.

6. Foreign Relations of the United States // Diplomatic papers. 1947. V. 2. Washington, 1972. 1158 p.
7. Foreign Relations of the United States // Diplomatic papers. 1948. V. 2. Washington, 1973. 1319 p.
8. *Habe H.* Our Love Affair with Germany. N. Y., 1953. 99 p.
9. *Morgenthay H. J.* Germany and the Future of Europe. Chicago, 1951. 323 p.
10. *Schwarz H. P.* Vom Reich zur Bundesrepublik. Stuttgart, 1980. 233 S.

REFERENCES

1. Haffner S. Samoubiystvo germanskoy imperii [Suicide of the German Empire]. Moscow; 1972 (In Russ.).
2. Badstubner R, Thomas S. Die Spaltung Deutschlands. 1945–1949. Berlin; 1966.
3. Brown LH. A Report on Germany. New York; 1947.
4. Burchett W. Cold War in Germany. Melbourne; 1950.
5. Dulles AW. Alternatives for Germany. *Foreign affairs.* 1947;25:(3):421-433.
6. Foreign Relations of the United States. Diplomatic papers. 1947;2. Washington; 1972.
7. Foreign Relations of the United States. Diplomatic papers. 1948;2. Washington; 1973.
8. *Habe H.* Our Love Affair with Germany. New York; 1953.
9. *Morgenthay H. J.* Germany and the Future of Europe. Chicago; 1951.
10. *Schwarz H. P.* Vom Reich zur Bundesrepublik. Stuttgart; 1980.

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.14.2.045-050

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ОПЫТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ¹

Александрова Анна Викторовна, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
440026, Россия, Пенза, ул. Красная, д. 40
ann-alexandrova@mail.ru

© Александрова А. В., 2020

Аннотация. В статье рассматривается влияние Второй мировой войны на формирование концептуальных основ права социального обеспечения. В частности, анализируется доклад лорда У. Бевериджа в британском парламенте, исследуется его значение в процессе разработки законодательства о социальном обеспечении Великобритании и Франции. Формулируется вывод о влиянии идей У. Бевериджа на формирование универсальных систем социального обеспечения и об актуальности данных идей для настоящего времени.

Ключевые слова: война; Вторая мировая война; Великобритания; Франция; У. Беверидж; право, человек; личность; социальное обеспечение; принцип всеобщности; преодоление нищеты.

THE WORLD WAR II AND THE EMERGENCE OF SOCIAL SECURITY LAW: THE EXPERIENCE OF GREAT BRITAIN AND FRANCE²

Anna V. Aleksandrova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Penza State University
ul. Krasnaya, d. 40, Penza, Russia, 440026
ann-alexandrova@mail.ru

Abstract. The article deals with the influence of World War II on the formation of conceptual foundations of social security law. In particular, the author analyzes the report of Lord William Beveridge in the British Parliament, examines its significance in the process of drafting legislation on social security of Britain and France. The author draws a conclusion concerning the William Beveridge's influence on the formation of universal social security systems and the relevance of these ideas for the present time.

Keywords: war; World War II; Great Britain; France; William Beveridge; law, person; person; social security; principle of universality; overcoming poverty.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00252.

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00252.

Вторая мировая война — грандиозное событие не только по масштабам разрушений и человеческих жертв, но и по последствиям, по тому влиянию, которое оно оказало на различные сферы общественной жизни, в том числе на развитие государства и права. Поменялся общемировой вектор государственного развития; на новый уровень вышло международное право; произошли существенные изменения в организации публичной власти и правового регулирования отдельных стран.

Право социального обеспечения как отрасль формируется именно в XX в. В Российской Федерации заслуженно признается роль крупнейшего советского ученого В. С. Андреева в процессе формирования данной отрасли, выявления ее самостоятельного предмета и метода регулирования, обоснования ее обособления от иных отраслей права: трудового, административного, гражданского. В зарубежных странах право социального обеспечения также формируется именно в XX в. Кодификация его нормативных положений (в странах континентальной правовой семьи) была осуществлена после Второй мировой войны: Социальный кодекс Германии, Кодекс социального обеспечения во Франции и др.

Вторая мировая война повлияла на формирование нового концептуального подхода в области социальной защиты населения; его основы можно обнаружить еще в правовых учениях XVIII–XIX вв., но детальную разработку и широкое применение в зарубежных странах этот подход получил именно после Второй мировой войны. Речь идет о концепции лорда У. Бевериджа, представленной в 1942 г. в британском парламенте в рамках его доклада о социальном обеспечении. Значение доклада было столь велико, что фамилия его автора сегодня используется при обозначении одной из моделей социальной защиты населения — модели У. Бевериджа, традиционно противопоставляемой модели О. Бисмарка³.

Что же принципиально нового предложил У. Беверидж? Начиная ответ на поставленный вопрос, необходимо отметить, что до внедрения систем обязательного социального страхования (которое произошло в конце XIX — начале XX в.) основными формами поддержки социально незащищенных слоев населения выступали государственная и частная благотворительность, семейная и общинная взаимопомощь, корпоративные системы добровольного страхования (цеховая взаимопомощь). Не было единой государственной системы социального обеспечения, меры поддержки отдельных лиц носили адресный, точечный характер (пенсии военнослужащим, общественное призрение для детей-сирот, престарелых, инвалидов и др.).

В течение многих веков наступление старости или инвалидности для большинства населения (за исключением немногочисленных представителей высокообеспеченных слоев) связывалось с риском бедности, материальной зависимости от своих родных и близких. Изменить эту ситуацию смогло внедрение социального страхования, гарантированного государственной поддержкой. Законодательство об обязательном социальном страховании, разработанное и принятое в конце XIX в. в Германии по инициативе О. Бисмарка, стало образцом для многих стран. Бисмарковская модель социальной защиты была основана на страховых началах, таких как:

- связь обеспечения с трудом (застрахованы, как правило, наемные работники и члены их семей);
- уплата страховых взносов работниками и работодателями;
- эквивалентность величины взносов и страховых выплат (чем больше заплатил — тем больше получил).

Обязательное социальное страхование с трудом пробивало себе дорогу. Долгое время в политической экономии господствовала концепция «беден тот, кто слаб». Считалось, что главным фактором защиты от социальных рисков должна быть

³ См.: *Lavigne A. Économie de retraites*. P., 2013. P. 7–8; *Антропов В. В. Экономические модели социальной защиты населения в государствах ЕС*: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2007. С. 19.

собственная предусмотрительность гражданина⁴, который должен сам заботиться о формировании сбережений на случай старости, болезни и т. п.

Принятие на рубеже XIX–XX вв. законов о социальном страховании, несомненно, имело прогрессивный характер. Однако следует признать, что эти законы были направлены на внедрение мер социальной защиты лишь для некоторых групп населения (главным образом для наемных работников) и учитывали ограниченный круг социальных рисков (несчастный случай на производстве, инвалидность, иногда старость). Например, в Великобритании к началу Второй мировой войны, по оценке В. Г. Каленского, «существовала довольно-таки широкая система социального страхования»⁵. Эта система охватывала риски несчастного случая на производстве, безработицы, старости. Ее правовые основы составили законы, принятые соответственно в 1906, 1911, 1925 гг. Тем не менее значительная часть населения не была охвачена социальным страхованием. В частности, страхование по старости согласно закону 1925 г. распространялось только на лиц наемного труда, достигших 65 лет, годовой доход которых не превышал 250 фунтов стерлингов (речь шла о низкооплачиваемых работниках)⁶.

Аналогичная ситуация была и во Франции: действовал закон о социальном страховании на случай болезни, инвалидности, материнства и старости в редакции 1930 г.⁷ Страхование по общему правилу подлежали только те наемные работники, чей заработок не превышал 15 000 франков в год (право на пенсию по старости возникало у них по достижении 60 лет). Как и в Великобритании, в основу системы был положен принцип капитализации (накопления взносов застрахованного лица), в силу чего средства социального страхования подвергались риску обесценивания в случае инфляции.

Существовала объективная потребность в применении иного, помимо страхового, подхода в системе социальной защиты населения. К середине XX в. в науке уже были сформулированы концепции социальной солидарности, социального государства и социального права (О. Конт, Э. Дюркгейм, Л. фон Штейн, А. Вагнер, Л. Дюги, Л. Буржуа). Идея материального обеспечения всех трудящихся при наступлении социальных рисков была разработана в социалистических учениях (начиная от социалистов-утопистов и заканчивая марксистами), реальные шаги по ее воплощению были предприняты в СССР. В Великобритании сформировалось фабианство — философско-экономическое течение, основанное на критическом анализе идей К. Маркса и Ф. Лассаля. Основатель фабианства — С. Вебб — один из старейших лидеров лейбористской партии, а его участниками в разное время выступали такие британские государственные деятели, как Р. Макдональд, К. Эттли, У. Беверидж.

Бедствия и потери Второй мировой войны привели правящие круги ведущих стран к убеждению в необходимости создания государственных систем всеобщей социальной защиты. Уже в первые годы войны, когда ее исход был далеко не ясен, лидеры США и Великобритании подписывают Атлантическую хартию (к которой затем присоединится СССР и другие страны), посвященную принципам политики безопасности после разгрома Германии. Пункт 5 Хартии содержал в себе принцип улучшения условий труда, развития экономики и социального обеспечения⁸. Этот принцип был положен в основу знаменитого доклада лорда У. Бевериджа⁹ в Палате

⁴ Розанваллон П. Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство всеобщего благосостояния. М., 1997. С. 21.

⁵ Каленский В. Г. Социальное законодательство Англии. М.: Наука, 1969. С. 192.

⁶ Widows, Orphans and Old Age Contributory Pensions Act 1925 // Официальный сайт Парламента Великобритании. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1925/jul/31/widows-orphans-and-old-age-contributory> (дата обращения: 10.11.2020).

⁷ Texte officiel et complet de la loi sur les assurances sociales. Loi du 5 avril 1928, modifiée par la loi du 30 avril // Официальный сайт группы поддержки иммигрантов Gisti. URL: <https://www.gisti.org/IMG/pdf/loi-5-avril-1928.pdf> (дата обращения: 10.11.2020).

⁸ Yearbook of the United Nations. 1946–1947. N. Y., 1947. P. 2.

⁹ Beveridge W. Social Insurance and Allied Services // Bulletin of the World Health Organization: the International Journal of Public Health. 2000. № 78 (6). P. 847–855.

общин 20 ноября 1942 г., озаглавленного «Социальное страхование и другие виды социального обслуживания». По мнению У. Бевериджа, в ситуации, когда война разрушает все привычные ориентиры, возникают условия для революционных изменений — в том числе в сфере социальной защиты (п. 7 Доклада). Социальное страхование Беверидж рассматривал как элемент всеобъемлющей политики по достижению социального прогресса. В числе «великих социальных зол», стоящих на пути прогресса, он называл нуждаемость, болезни, нищету, праздность и невежество (п. 8 Доклада). Важнейшую роль в преодолении названных социальных зол У. Беверидж отводил достижению полной занятости. Занятость, по его мнению, важнейшее средство профилактики нищеты.

Теория У. Бевериджа испытала на себе определенное влияние идей Дж. Кейнса, в частности:

- полная занятость может быть обеспечена, если предприятия работают на полную мощность, а их продукция пользуется спросом. Высокий спрос возможен тогда, когда доходы граждан находятся на достаточном уровне. В связи с этим выплата пособий нуждающимся становится важной государственной задачей, поскольку она выполняет функцию не только социальной поддержки граждан, но и стимула экономического развития;
- государство обязано добиться избавления от нищеты и обеспечить каждому подлинное чувство безопасности посредством обязательного перераспределения национального дохода. Поэтому в числе источников финансирования социального обеспечения должны быть не только взносы работников и работодателей, но и средства государственного бюджета.

Важнейшим тезисом Доклада стало построение системы социального обеспечения на основе взаимодействия государства и личности (п. 9 Доклада). По мнению У. Бевериджа, государство может содействовать социальному обеспечению посредством финансирования и предоставления социальных услуг. Однако организуя систему социального обеспечения, государство не должно устранять инициативу и ответственность личности: учреждая минимум обеспечения на национальном уровне, оно оставляет поле для деятельности индивида, чтобы тот мог своими собственными усилиями обеспечить для себя и своей семьи более высокий доход.

На основании рассмотренных выше общих принципов У. Беверидж предложил трехуровневую систему социальной защиты:

- первый уровень — минимум, гарантируемый государством (для всех граждан). Должен был базироваться на принципах всеобщности и единообразия социальных выплат, определяемых исходя из показателей прожиточного минимума и финансируемых за счет государственного бюджета;
- второй — социальное страхование наемных работников и членов их семей, формируемое за счет взносов трудящихся и работодателей;
- третий — дополнительное (добровольное) личное страхование граждан.

В ситуации возросшего социального риска, которому подвергались как военнослужащие, так и гражданское население во время войны, проект, разработанный У. Бевериджем, получил широкую поддержку. Его доклад оказал значительное влияние на формирование систем социального обеспечения в тех странах, правительства которых в период оккупации располагались в Лондоне (Франция, Бельгия, Нидерланды), а также на скандинавские страны.

Победа СССР над гитлеровской Германией оказала глубокое воздействие на политическую обстановку во всем мире. Во многих странах демократическое, рабочее движение приобрело небывалый размах, возросло влияние коммунистических партий. Все это позволило приступить к проведению широких социальных реформ, в том числе в западноевропейских странах. В Великобритании в 1945 г. лейбористы реализовали ряд положений программы У. Бевериджа.

Во Франции после победы движения Сопротивления и освобождения страны в 1944 г. наблюдался значительный демократический подъем. К власти пришло коалиционное правительство, в состав которого входили коммунисты, социалисты

и народные республиканцы. Правительство возглавил лидер Сопротивления генерал Ш. де Голль. В своих воспоминаниях он писал: «*Чувства и размышления давно убедили меня, что освобождение страны должно сопровождаться глубокими социальными преобразованиями. Или мы сверху и быстро осуществим заметное улучшение положения рабочих и частичное сокращение привилегий денег, или страдающая и разочарованная масса трудящихся вызовет потрясения, в которых Франция может потерять все, что у нее осталось*»¹⁰.

Идеи всеобщности и единообразия социальных выплат оказали влияние на французский план социального обеспечения. Разработчик этого плана, П. Ларок писал в 1945 г.: «*Английский проект сегодня в моде*»¹¹. В 1945–1946 гг. французским правительством были предприняты меры по внедрению единого режима социального обеспечения для всех граждан страны.

Если французам, в отличие от англичан, не удалось реализовать принцип всеобщности (столкнувшись с сопротивлением представителей отдельных профессий, отстаивавших свои более выгодные режимы социальной защиты), тем не менее идеи лорда У. Бевериджа оказали существенное влияние на развитие права социального обеспечения как во Франции, так и в других странах Европы.

Необходимо отметить, что сегодня в чистом виде модели социальной защиты («бисмарковская» или «модель Бевериджа») не встречаются. Можно лишь говорить о приоритетном влиянии первой на страны континентальной Европы и второй — на Великобританию, Ирландию и скандинавские страны. По сути же, сегодня социальное законодательство каждой страны, особенно пенсионное, сочетает в себе принципы, характерные и для той, и для другой модели.

Ситуация с пандемией коронавируса вновь поставила вопрос о предоставлении базовых выплат всем членам общества, независимо от их трудового вклада. Концепция безусловного базового дохода, активно обсуждаемая экономистами и юристами в последние годы, сегодня рассматривается как своего рода альтернатива находящемуся в кризисе социальному страхованию, а в основе ее лежат принципы, сформулированные У. Бевериджем в 1940 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антропов В. В. Экономические модели социальной защиты населения в государствах ЕС : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2007. 48 с.
2. Каленский В. Г. Социальное законодательство Англии. М. : Наука, 1969. 223 с.
3. Розанваллон П. Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство всеобщего благосостояния. М., 1997. 188 с.
4. Beveridge W. Social Insurance and Allied Services // Bulletin of the World Health Organization: the International Journal of Public Health. 2000. № 78 (6). P. 847–855.
5. Gaulle Ch. de. Mémoires de guerre. P., 1959. 567 p.
6. Lavigne A. Économie de retraites. P., 2013. 126 p.
7. Texte officiel et complet de la loi sur les assurances sociales. Loi du 5 avril 1928, modifiée par la loi du 30 avril // Официальный сайт группы поддержки иммигрантов Gisti. URL: <https://www.gisti.org/IMG/pdf/loi-5-avril-1928.pdf> (дата обращения: 10.11.2020).
8. Valat B. Histoire de la Sécurité Sociale (1945–1967). P., 2001. 544 p.
9. Widows, Orphans and Old Age Contributory Pensions Act 1925 // Официальный сайт Парламента Великобритании. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1925/jul/31/widows-orphans-and-old-age-contributory> (дата обращения: 10.11.2020).
10. Yearbook of the United Nations. 1946–1947. N. Y., 1947. 991 p.

¹⁰ Gaulle Ch. de. Mémoires de guerre. P., 1959. P. 24.

¹¹ Цит. по: Valat B. Histoire de la Sécurité Sociale (1945–1967). P., 2001. P. 53.

REFERENCES

1. Antropov VV. Ekonomicheskie modeli sotsialnoy zashchity naseleniya v gosudarstvakh es: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk [Economic models of social protection of the population in the EU states: Doctoral Dissertation: Author's Abstract]. Moscow; 2007 (In Russ.).
2. Kalenskiy VG. Sotsialnoe zakonodatelstvo Anglii [Social legislation in England]. Moscow: Nauka Publ.; 1969 (In Russ.).
3. Rosanwallon P. Novyy sotsialnyy vopros. Pereosmyslivaya gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya [A new social issue. Rethinking the welfare state]. Moscow; 1997 (In Russ.).
4. Beveridge W. Social Insurance and Allied Services. *Bulletin of the World Health Organization: The International Journal of Public Health*. 200;78(6):847-855.
5. Gaulle Ch. de. Mémoires de guerre. Paris; 1959.
6. Lavigne A. Économie de retraites. Paris; 2013.
7. Texte officiel et complet de la loi sur les assurances sociales. Loi du 5 avril 1928, modifiée par la loi du 30 avril. Official website of the Immigrant Support Group Gisti. URL: <https://www.gisti.org/IMG/pdf/loi-5-avril-1928.pdf> (accessed: 10 Nov 2020).
8. Valat B. Histoire de la Sécurité Sociale (1945–1967). Paris, 2001.
9. Widows, Orphans and Old Age Contribute Pensions Act 1925. Official website of the UK Parliament. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1925/jul/31/widows-orphans-and-old-age-contributory> (accessed: 10 Nov 2020).
10. Yearbook of the United Nations. 1946–1947. New York; 1947.

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.14.2.051-055

МОБИЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Фомичева Ольга Анатольевна, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Орского филиала Московского финансово-юридического университета, кандидат юридических наук, доцент
462401, Россия, Орск, ул. Строителей, д. 25
olga-fomicheva@mail.ru

© Фомичева О. А., 2020

***Аннотация.** Рассматриваются изменения способов предоставления обществу прав на участие в законотворческом процессе, представлен новый взгляд на вызовы пандемии в 2020 г., которые оказали влияние на жизнь общества и способ мобилизации через интернет-технологии. В этой связи приводятся различные доводы по переходу к новой форме участия в законотворческом процессе; указывается ряд вопросов, препятствующих развитию мобилизации мнения населения. Предложены пути поиска оптимальных правил его осуществления.*

***Ключевые слова:** государство; общество; народ; мобилизация; мнение; права граждан; законотворческий процесс; законодательство; Интернет; коммуникация.*

PUBLIC OPINION MOBILIZATION AND LEGISLATIVE PROCESS

Olga A. Fomicheva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Orsk Branch of Moscow University of Finance and Law
ul. Stroiteley, d. 25, Orsk, Russia, 462401
olga-fomicheva@mail.ru

***Abstract.** The paper examines changes in ways of providing the society with the rights to participate in the law-making process, presents a new perspective concerning the challenges associated with the pandemic in 2020 that have had an impact on the life of the society and the way to mobilize through Internet technologies. In this regard, various arguments are given for the transition to a new form of participation in the law-making process; a number of issues that hinder the development of mobilization of public opinion are highlighted. The author proposes the ways of finding optimal rules for its implementation.*

***Keywords:** state; society; people; mobilization; opinion; rights of citizens; law-making process; legislation; Internet; communication.*

Пандемия 2020 г. изменила мир, в том числе и вопросы определения новых подходов мобилизации. Война с новым вирусом показала некоторые победы в здравоохранении с новыми героями и жертвами. Изменились способы общения (преимущественно с помощью Интернета), поэтому появилась необходимость некоторых конституционно-правовых преобразований в России. В частности,

некоторый интерес для исследований представляет законотворческий процесс в рамках поиска оптимальных правил его осуществления в условиях изменившегося мира, в частности вопрос участия народа в качестве субъекта законотворческого процесса, а также вопрос регламентации правил всенародного голосования и последующего развития данного института при принятии законов с участием граждан России.

Для участия народа в законотворческом процессе требуется мобилизация общественного мнения, которая позволит организовать процесс вовлечения народа с учетом характеристики поставленной задачи. С учетом проявленной практики голосования по поправкам к Конституции РФ в 2020 г. и условий участия граждан России во всероссийском голосовании (в том числе посредством Интернета), решению подлежит организация правил участия народа в законотворческом процессе на этапе принятия закона. Голосование по закону является поиском оптимального баланса интересов общества и государства при согласовании закона. При этом к народу переходит компетенция парламента по решению вопроса принятия или отклонения закона.

Идея мобилизации общественного мнения не новая для современного законотворческого процесса, она применялась в истории Российского государства. Так, мнение граждан использовалось в 1858 г. при обсуждении вопроса отмены крепостного права, в реформе судебной части в 1862 г., в СССР обсуждались проект устава сельскохозяйственных артелей¹, а также проекты Конституций 1936 г. и 1977 г.²

Мобилизация общественного мнения государством может быть реализована посредством института краудсорсинга, который уже активно получил свое применение в практике и подвержен исследованию учеными для обобщения результатов мобилизации мнения от общества, в том числе для участия в законотворческом процессе³. Интернет-демократия получает свое развитие в научных исследованиях⁴, и это оправдано в свете пандемии, поскольку мобилизация общественного мнения проявлена в качестве нового способа участия населения в принятии законов. Реализация мобилизации общества происходит через интернет-технологии, в частности в качестве примера с 2013 г. применяется российская общественная инициатива по Указу Президента РФ № 183 от 04.03.2013.

Вместе с тем для мобилизации общественного мнения с помощью Интернета требуется разрешить ряд дискуссионных вопросов.

1. Народ должен понимать степень важности такого участия в законотворческом процессе. Так, зарубежные исследования указывают на необходимость в установлении требований особой правовой культуры к участнику законотворческого процесса⁵. Некоторые российские исследователи также не являются сторонниками участия народа в важных государственных вопросах, ссылаясь именно на низкий

¹ Базыкин А. Ю. Проблемы привлечения граждан к подготовке проектов нормативных правовых актов // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития : материалы Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф. М. Рудинского (Москва, 23 апреля 2020 г.) / под ред. В. В. Строева [и др.] М., 2020. С. 21–24.

² Иванов И. В. Общественное обсуждение как конституционно-правовой институт в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 21–28.

³ Desouza K., Bhagwatwar A. Technology-enabled Participatory Platforms for Civic Engagement // The Case of Journal of Urban Technology. 2014. Vol. 21. № 4. P. 25–50 ; Ranchordas S. Digital Agoras: Digital Agoras: Democratic Legitimacy, Online Participation and Uber's Petitions // The Theory and Practice of Legislation. 2017. Vol. 5. № 1. P. 33–38.

⁴ См.: Григорьев А. В. Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 224 с.

⁵ См.: Crabbe V. The Ethics of Legislative Drafting // Commonwealth Law Bulletin. 2010. № 36. P. 11–24.

уровень правовой культуры граждан⁶, и, так же как и зарубежные ученые, во многом полагаются на вывод, что не следует согласовывать с народом вопросы по поводу функционирования власти.

2. Мобилизация общественного мнения в законодательном процессе должна быть дифференцируемой. Нельзя все способы участия населения в законодательном процессе преобразовать в Интернет демократию и использовать только онлайн-платформы. Такие процедуры навсегда ликвидируют институт референдума, который обеспечивает гарантии граждан на личное участие в законодательном процессе. Предложения народа по изменению законопроекта не должно оставаться для парламента рекомендацией, необходимо оставить и другие способы, например непосредственное вовлечение представителей общества в законодательный процесс (ученых, юристов, специалистов определенной сферы, общественных объединений, и др. социальных групп граждан). Поскольку имеющийся механизм российской общественной инициативы не показал свою эффективность на практике как возможность мобилизации мнения, то интернет-площадки для мобилизации общественного мнения не должны оставаться единственным способом. Следует оставить и иные формы участия граждан для мобилизации мнения в законодательном процессе (лично или через сообщества граждан, СМИ).

3. Применяемые для мобилизации общественного мнения интернет-технологии не могут обеспечить достоверность. Мобилизация общественного мнения в законодательном процессе оправданно только в случае личного участия граждан в выборе принимать или нет новый закон. Удостоверить личное участие гражданина можно только с учетом широких средств идентификации (соотнесение личности и его учет его мнения в выборе⁷). Нельзя замещать важный государственный вопрос о принятии нового закона интерактивной игрой⁸.

4. Участие любого субъекта в законодательном процессе требует подготовленности (профессионального подхода). Законодательная деятельность является мыслительным процессом. Для того чтобы свободно мыслить, необходимо обладать соответствующими познаниями. Поэтому требуется формирование навыков у общества. Возможно, эти навыки следует формировать в процессе обучения, чтобы к достижению возраста дееспособности гражданин был готов к участию в законодательном процессе.

Народ как носитель власти является главным участником законодательного процесса. Это положение исходит из ст. 3 и 32 Конституции РФ. Развитие демократических характеристик российской Конституции РФ позволяет утвердительно заявлять о регламентации правил новых способов вовлечения населения в процесс законотворчества. Мобилизация граждан в законодательный процесс является одним из способов взаимодействия парламента и общества в механизме государственного управления. Легитимность законов во многом зависит от учета мнения населения в законодательном процессе парламента. Поэтому для исключения негативного отношения общества к законодательному процессу следует развивать способы мобилизации общественного мнения.

Требуется дополнительно исследовать заявленные автором вопросы и детально их проработать, прежде чем вводить соответствующую практику. Прежде чем переходить к применению интернет-технологий и вовлекать народ таким способом в законодательный процесс, следует осмыслить эту идею и придать ей научный характер.

⁶ Добрынин Н. М. Народовластие и суверенитет в современной парадигме российского конституционализма: к 10-летию со дня опубликования работы проф. С. А. Авакьяна «Точка отсчета — народ» // Государство и право. 2017. № 7. С. 26–27.

⁷ См.: Павлушкин А. В., Постников А. Е. Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 5–13.

⁸ См.: Волошинская А. А. «Электронное участие» в России: новый инструмент взаимодействия государства и общества или электронная потемкинская деревня? // Информационное общество. 2016. № 1. С. 40–47.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Базыкин А. Ю. Проблемы привлечения граждан к подготовке проектов нормативных правовых актов // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития : материалы Всероссийской научной конференции памяти профессора Ф. М. Рудинского (Москва, 23 апреля 2020 г.) / под ред. В. В. Строева [и др.]. М., 2020. 309 с.
2. Волошинская А. А. «Электронное участие» в России: новый инструмент взаимодействия государства и общества или электронная потемкинская деревня? // Информационное общество. 2016. № 1. С. 40–47.
3. Григорьев А. В. Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 224 с.
4. Добрынин Н. М. Народовластие и суверенитет в современной парадигме российского конституционализма: к 10-летию со дня опубликования работы проф. С. А. Авакьяна «Точка отсчета — народ» // Государство и право. 2017. № 7. С. 22–33.
5. Иванов И. В. Общественное обсуждение как конституционно-правовой институт в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 224 с.
6. Павлушкин А. В., Постников А. Е. Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) // Журнал российского права. 2009. № 11. С. 5–13.
7. Crabbe V. The Ethics of Legislative Drafting // Commonwealth Law Bulletin. 2010. № 36. P. 11–24.
8. Desouza K., Bhagwatwar A. Technology-enabled Participatory Platforms for Civic Engagement // The Case of Journal of Urban Technology. 2014. Vol. 21. № 4. P. 25–50.
9. Ranchordas S. Digital Agoras: Digital Agoras: Democratic Legitimacy, Online Participation and Uber's Petitions // The Theory and Practice of Legislation. 2017. Vol. 5. № 1. P. 31–54.

REFERENCES

1. Bazykin AYu. Problemy privlecheniya grazhdan k podgotovke proektov normativnykh pravovykh aktov [Problems of involvement of citizens in preparation of draft normative legal acts]. In: StroeV VV [et all], editors. Law and Human Rights in the Modern World: Trends, Risks, Prospects of Development: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference held in memory of Professor FM Rudinskiy (Moscow, April 23, 2020). Moscow; 2020 (In Russ.).
2. Voloshinskaya AA. «Elektronnoe uchastie» v Rossii: novyy instrument vzaimodeystviya gosudarstva i obshchestva ili elektronnaya potemkinskaya derevnya? [«Electronic participation» in Russia: a new instrument of interaction between state and society or an electronic Potemkin village?]. *Information Society*. 2016;1:40-47 (In Russ.).
3. Grigoriev AV. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie ispolzovaniya sovremennykh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy pri osushchestvlenii institutov pryamoy demokratii v Rossii: dis.... kand. yurid. nauk [Constitutional law regulation of the use of modern information and communication technologies in the implementation of institutions of direct democracy in Russia: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2020 (In Russ.).
4. Dobrynin NM. Narodovlastie i suverenitet v sovremennoy paradigme rossiyskogo konstitutsionalizma: k 10-letiyu so dnya opublikovaniya raboty prof. S. A. Avakyana «Tochka otscheta — narod» [People's power and sovereignty in the modern paradigm of Russian constitutionalism: to the 10th anniversary of the publication of the work by Prof. CA Avakyan «Point of reference — people»]. *State and Law*. 2017;7:22-33 (In Russ.).
5. Ivanov I. Obshchestvennoe obsuzhdenie kak konstitutsionno-pravovoy institut v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk [Public discussion as a constitutional and legal institution in the Russian Federation: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2019 (In Russ.).

6. Pavlushkin AV, Postnikov AE. Pravovoy mekhanizm distantsionnogo elektronogo golosovaniya (analiz vozmozhnoy modeli) [Legal mechanism of remote electronic voting (analysis of possible model)]. *Journal of Russian Law*. 2009;11:5-13 (In Russ.).
7. Crabbe V. The Ethics of Legislative Drafting. *Commonwealth Law Bulletin*. 2010;36:11-24.
8. Desouza K, Bhagwatwar A. Technology-enabled Participatory Platforms for Civic Engagement. *The Case of Journal of Urban Technology*. 2014;21(4):25-50.
9. Ranchordas S. Digital Agoras: Digital Agoras: Democratic Legitimacy, Online Participation and Uber's Petitions. *The Theory and Practice of Legislation*. 2017;5(1):31-54.

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.14.2.056-061

АДАМ СМИТ: ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Зульфугарзаде Теймур Эльдарович, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент
117997, Россия, Москва, Стремянный пер., д. 36
zulfugarzade.te@rea.ru

© Зульфугарзаде Т. Э., 2020

***Аннотация.** В статье представлены основные результаты исследования научных трудов А. Смита о праве и справедливости. Проанализированы проблемные вопросы, посвященные в том числе источникам справедливости, особенностям формирования правовых ориентиров при разрешении судебных споров, а также базовым подходам, принятым в сакральном, каноническом, английском общем и договорном праве.*

***Ключевые слова:** юриспруденция; юридическое наследие; А. Смит; право; справедливость; суд; судебный процесс; сделки; сакральность; иррациональность; чувства.*

ADAM SMITH: LAW AND JUSTICE

Teymur E. Zulfugarzade, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics
per. Stremyannyy, 36, Moscow, Russia, 117997
zulfugarzade.te@rea.ru

***Abstract.** The article presents the main results of Adam Smith's research papers concerning law and justice. The author has analyzed problem issues including sources of justice, peculiarities of formation of legal guidelines in the resolution of legal disputes, as well as the basic approaches adopted in sacred, canonical, English general and contract law.*

***Keywords:** jurisprudence; legal heritage; Adam Smith; law; justice; court; litigation; transactions; sacrality; irrationality; feelings.*

Завершая свой жизненный путь, Адам Смит (1723–1790) — известный шотландский философ и юрист, профессор права, основоположник экономической науки, автор таких известных монографических исследований, как «Исследование о природе и причинах богатства народов»¹, «Теория нравственных чувств»², — велел сжечь все его письма, прежде всего те, в которых он проявлял «умозрительный» интерес к сакральным основам мирской жизни, посвященным вопросам справедливости и его взаимосвязи с правом. Г. Макалир высказал предположение о том, что А. Смит «сформировал свое представление о социальной роли сакральной взаимосвязи права и справедливости в период 1752–1764 гг., во время

¹ См.: Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. University of Chicago Press; UK ed. Edition. 1977. 1152 p.

² См.: Smith A. The Theory of Moral Sentiments. London. 1759. 422 p.

преподавания им естественной теологии, одной из его обязанностей в Университете Глазго, на кафедре философии этики»³.

Аристотелевская философская традиция проводит различие между коммутативной (уравнительной) справедливостью (принципиальной основы частного права) и распределительной справедливостью (принципиальной основы права публичного). Коммутативная справедливость имеет отношение к сделкам и справедливому взаимнообмену товарами и услугами. Приверженцы аристотелизма утверждают: сделки не будут успешными без предшествовавшего их подписанию документа о взаимном доверии сторон. Доверие или социальная сплоченность являют собой основу справедливого взаимнообмена. Они подтверждают, что в бизнесе необходимы оба вида справедливости. Теоретически, экономисты могли бы ожидать, что А. Смит в своих трудах будет вести речь исключительно о торговых сделках (контрактах), но немаловажно учитывать, что основной целью шотландского Просвещения (Scottish Enlightenment, XVIII — начало XIX в.) на самом деле было не только и не столько стремление к изобилию (материальным благам), но прежде всего стремление к распределительной справедливости, как благу нематериальному.

Сакральность, по А. Смигу, есть главный источник распределительной справедливости. Теоретическое обоснование этой идеи можно найти в его книге «Теория нравственных чувств», и особенно в его лекциях по юриспруденции. В весьма оригинальной форме А. Смит отождествляет сакральное с изначальными, почти бессознательными, врожденными чувствами. В этом он фактически опередил работы французской школы антропологии⁴ в XX в.

Обратимся к рассмотрению проблемных вопросов, относящихся к ранним судебным процессам. Значение социальной сплоченности в справедливости подтверждается отношением к убийствам в «ранние времена»⁵. Преимущественно, суды (судебные процессы) проводились всенародно, их цель заключалась прежде всего в поиске оснований для примирения, но не наказания. Наиболее элементарными естественными правами являются право на жизнь и физическую неприкосновенность, и потому сначала появилось уголовное право, но не гражданское. По мнению А. Смита, наказание является делом деликатным, потому что степень сочувствия различна: не так уж легко было «заставить зрителя казни полностью солидаризоваться с нашим чувством мести»⁶, в тех случаях, когда подсудимые пытались отговориться, что их спровоцировали, или умоляли о помиловании.

В процессе формирования истинных ориентиров судей и зрителей в судебных процессах принимало участие все сообщество. Необходимость судебных процессов вытекает из идеи сакрального равновесия или гармонии, в связи с чем А. Смит писал: «...Нарушитель многих сакральных законов справедливости никогда не сможет понять тех чувств возмущения, которые человечество должно испытывать по отношению к нему, без ощущения всех чувств агонии стыда, ужаса и оцепенения... мысли об этом постоянно преследуют и наполняют его ужасом и изумлением. Он больше не посмеет глядеть в лицо общества, и будет воображать себя отвергнутым... ему все будет казаться враждебным, и он был бы рад улететь в какую-то негостеприимную пустыню, где он никогда не смог бы увидеть человеческого существа... хотя жизнь в одиночестве намного страшнее жизни в обществе»⁷.

Такую мысль весьма точно обосновал Ф. М. Достоевский в романе «Преступление и наказание», в образе внутренней жизни Раскольникова, убийцы. Как и русский писатель, А. Смит стремился:

³ McAleer G. Contracts and Solemnities in Adam Smith's Sacred Anthropology // Law & Liberty. 2019. February, 6. URL: <https://www.lawliberty.org/2019/02/06/contracts-and-solemnities-in-adam-smiths-sacred-anthropology/> (дата обращения: 10.11.2020).

⁴ Честнов И. Л. Перспективы истории политических и правовых учений в ситуации постмодерна // История государства и права. 2009. № 8. С. 8.

⁵ McAleer G. Op. cit.

⁶ Smith A. The Theory of Moral Sentiments. P. 62.

⁷ Smith A. The Theory of Moral Sentiments. P. 84.

- показать, каким образом узы сакрального сплачивают сообщество (термин «религия» происходит от латинского «религаре», означающего «сплачивать»);
- исследовать, как приверженность к ритуалам способствовала появлению в последующем деловых сделок.

В Шотландии того времени придерживались иной, чем в Англии, юридической традиции. Отсюда неудивительно, что хотя А. Смит достаточно часто ссылался на шотландское право, значительную часть своего времени он уделял праву английскому. Это происходило по той причине, что английское общее право в основном сформировалось до того, как на основе *Corpus iuris civilis*, называемого Дигестами Юстиниана, началось формирование европейского гражданского права, и до того, как вступило в силу право каноническое. В связи с этим английское общее право «заслуживало большего, чем любого другое, внимания умозрительного человека, поскольку оно в большей степени формировалось на основе естественных чувств человечества»⁸. В руках А. Смита английское общее право действует наподобие феноменологического редуцирования, состоящего в отщеплении сущностных содержаний правовой и нравственной жизни от надстройки в виде истории и модных течений.

В процессе проведения анализа источников договорного права были сделаны следующие основные выводы.

Во-первых, договоры (контракты) — одни из подвидов указанных выше надстроек. «...Свобода — наше изначальное состояние, — утверждал А. Смит, — такое же сочувствие к свободе лиц, которые запаздывали с исполнением заключенных ими ранее сделок, поскольку все взятые ими обязательства ограничивали их свободу, побуждали освободить по незначительному поводу тех, кто находился под такими обязательствами»⁹. Такие же исходные условия включают в себя связь человека с землей, его «музыкальность, театральность, стремление к единообразию в условиях сложности и место, уделяемое им церемониям, почтительности и признательности»¹⁰. А. Смит привел результаты своего обширного анализа сделок, начиная с того, насколько поздно право стало признавать контракты. Неудивительно, что он ссылался на замечание Аристотеля о том, что во время его жизни во многих греческих государствах сделки не признавались правомерными, поскольку «тот, кто заключает договор, верил в надежность другой стороны, которая, как предполагалось, доверяла ему»¹¹.

Во-вторых, в свою очередь, каноническое право также сопротивлялось признавать сделки, поскольку оно признавало только те, которые заключались «в целом на принципах честности и нравственности»¹². А. Смит отмечал, что еще в XII в. при дворе британских монархов сделки считались недостойными внимания. Морально-нравственными чувствами объяснялась подоплека природы сделок: «...Быть лишенным того, чем мы обладаем, большее зло, чем быть разочарованным тем, чего мы только ожидаем. Нарушения прав собственности, кражи и грабежи, которые лишают нас того, чем мы обладали, являются более серьезными преступлениями, чем нарушение условий договоров, которое только разочаровывает нас в том, что мы ожидали. Самыми сакральными законами справедливости, следовательно, являются такие, нарушение которых покажутся самыми вопиющими для ответной мести и наказания, законы, которые охраняют право на жизнь, свободу на личную неприкосновенность и жизнь нашего соседа»¹³. Сначала контракты заключались на торжественных церемониях, а в Шотландии их гарантом выступала церковь, с отлучением в наказание за их нарушение. Позднее, когда гражданские суды стали разрешать деятельность на основании контрактов, то признавались только те из них, которые заключались в суде на торжественных церемониях и регистрировались в судебных протоколах (например, в наше время, подобным образом по законодательству США в судебном

⁸ Smith A. The Theory of Moral Sentiments. P. 67.

⁹ Smith A. The Theory of Moral Sentiments. P. 67.

¹⁰ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 407.

¹¹ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 407.

¹² Smith A. The Theory of Moral Sentiments. P. 71.

¹³ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 427.

порядке регистрируются юридические факты рождения детей, заключения брака, приобретения гражданства).

В-третьих, А. Смит привел обзор ряда таких торжественных церемоний, на которых договоры в ранние времена обычно подписывались кровью. Одним из примеров таких «ужасных церемоний», которые он упомянул, была традиция, заключающаяся в том, что стороны договора надрезали свои большие пальцы и высасывали кровь из ран, что предавало сделке требуемую сакральность, вызывая и подтверждая сплочение сторон.

Необходимо привести основные результаты анализа основных подходов А. Смита к особенностям сакрального права.

Теория нравственных чувств объясняет не только запоздалое появление договорных обязательств (контрактов) в жизни сообществ, но и их формальные границы: — контракты связаны с полезностью, но сфера нравственности не исчерпывается одной только полезностью; — полезность не главенствует в принятии нравственных решений.

А. Смит приводит в качестве примера небрежного солдата, заснувшего на посту. Полезность потребовала бы казни этого солдата за причинение им угрозы общему благу, но это требование полезности противоречит нравственным чувствам общества. Напротив, общественное негодование потребовало бы кровной мести в отношении того, кто оскорбил ребенка или вдову, несмотря на малую полезность такой мести. Разница в приведенных примерах имеет решающее значение для оценки, что нашло свое выражение в следующей формулировке, данной А. Смитом: «Неодинаковые чувства, которые зритель испытывал во время исполнения таких разной степени тяжких наказаний, являются доказательством того, что одобрение им одного из них не основано на тех же принципах, что и другого... ибо вполне заслуживает внимания тот факт, что мы далеки от заблуждений, в соответствии с которыми несправедливость должна быть наказуема в этой жизни только путем поддержания правопорядка в обществе... Мы ощущаем его заполненной невзгодами пустыней и это чувство будет преследовать нас, похоже, даже за могилой... однако мы полагаем, что во имя Божьей справедливости еще потребуются отпущение за травмы той вдовы...»¹⁴

Полезность — один из источников оценки нравственности. Данный факт оказывает влияние на право собственности. А. Смит отмечал, что в соответствии с английским правом иностранец (лицо без гражданства) «лишен прав на покупку и на получение ее по наследству; он не вправе ее завещать, потому что она представляет собой наивысшую разновидность собственности, связанной с чувствами уважения и благоговения к умершим, которые хотя и могут быть у иностранцев, но с небольшими возможностями их заслужить»¹⁵.

А. Смит рассуждает о деоданде, т. е. конфискуемом по английским законам у обидчика или убийцы имени, передаваемом потерпевшему или наследникам убитого. За причиненное зло общепринято расплачиваться неодушевленными предметами: «...Споткнувшись обо что-то, вы пнете обидевший вас объект»¹⁶. Среди многочисленных примеров в истории права А. Смит нашел описание судебного процесса, проходившего в древних Афинах над топором, который после признания его виновным, с соблюдением торжественной церемонии доставили на морской берег и бросили в волны (по аналогии, в средневековой России был наказан колокол). Приведенный пример деоданда, когда признанные зловредными предметы отдавались на божью волю, «что означало не только их обреченность, но и грешность»¹⁷. Такое отношение остается общепринятым: в ряде стран дома серийных убийц и террористов могут быть снесены, равно как и здания, в которых произошли массовые расстрелы.

¹⁴ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 432.

¹⁵ Smith A. Lectures on Jurisprudence (The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith, 1762–1763). Glasgow. P. 432.

¹⁶ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 462.

¹⁷ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 462.

Рассмотренный феномен значительно ограничивает сферу действия и примат сделок в деятельности людей, живущих по совести, поскольку он удаляет из них один из важнейших элементов, а именно конкретную ответственность договаривающихся сторон. Обычно считается, каждый несет ответственность за то, о чем он договаривался. Приведенные примеры деоданда показывают, что естественные чувства человека по поводу ответственности не исчерпываются одним лишь согласием, что в римском праве отчасти попадает под понятие «деликтная ответственность».

А. Смит показал, человеческие чувства и прежде всего врожденное чувство справедливости, признают существование так называемой «империи удачи», в которой суждения о нравственности человеческих поступков в один момент могут испариться из-за того, что возможность наступления неблагоприятных последствий нередко опережают заложенные в нас качества. Одним из ярких примеров служит явное различие при наказании за совершенное убийство и за покушение на убийство. В тех случаях, когда удача человека катастрофически покидает, он превращается в «жертву».

Рассмотренная концепция также берет свое начало в римском праве. Даже тот, кто без предварительного оповещения посещал, к примеру, Рим и ходил по его землям, «*посвященным какому-то из богов*», становился объектом мести этого бога. Искупление было необходимо до удаления с него клейма жертвы. В качестве аналогии А. Смит приводит пример с всадником, который сбивает с ног и убивает ребенка не по своей вине. Оказанием добрых услуг и выражением скорби он пытается искупить и «*как можно больше утешить возможно и неоправданное негодование тех, которым он причинил большое, хотя и не по своей воле, зло*»¹⁸.

Другими словами, способность фортуны внезапно превращать человека в жертву учит людей уважать друг друга. А. Смит писал: «...*Благодаря мудрости природы, счастье каждого невинного человека становится настоль святым, чтобы не быть подвергнутым ни бессмысленному попранию, ни даже невежественному и невольному посяганию, без требования некоторого искупления и примирения, пропорционального тяжести неспровоцированного преступления*»¹⁹. Таким образом, А. Смит проводил различие между сакральной антропологией, фундаментальными основами права и распределительной справедливостью. По его мнению, главное в коммерческой деятельности не просто согласие сторон сделки, но согласие тех индивидов, на которых возлагалась высокая ответственность тем совершенным ими ритуалом, доверием, благоговением и искуплением, приводящее к настоящему сплачиванию.

А. Смит уникален в среде мыслителей шотландского Просвещения. Аналитика такого вида и столь высокого уровня для понимания цивилизации, начиная с давних времен, начала полностью применяться в французской антропологии XX в., а в современную эпоху неуклонного развития корпоративного права и предпринимательской активности представляется важным, чтобы компании не забывали о том, что присущие членам общества мощные социальные связи фактически равносильны законодательно закрепленным, и именно благодаря таким связям корпорации создаются и, если перестают действовать механизмы сплачивания, разрушаются.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Честнов И. Л. Перспективы истории политических и правовых учений в ситуации постмодерна // История государства и права. 2009. № 8. С. 7–11.
2. McAleer G. Contracts and Solemnities in Adam Smith's Sacred Anthropology // Law & Liberty. 2019. February, 6. URL: <https://www.lawliberty.org/2019/02/06/contracts-and-solemnities-in-adam-smiths-sacred-anthropology/> (дата обращения: 10.11.2020).
3. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. University of Chicago Press; UK ed. Edition. 1977. 1152 p.

¹⁸ Smith A. Lectures on Jurisprudence. P. 468.

¹⁹ Smith A. Lectures on Jurisprudence. P. 468.

4. *Smith A. Lectures on Jurisprudence (The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith, 1762–1763)*. Glasgow. 618 p.
5. *Smith A. The Theory of Moral Sentiments*. London. 1759. 422 p.

REFERENCES

1. Chestnov IL. Perspektivy istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy v situatsii postmoderna [Prospects of the history of political and legal doctrines in postmodern situations]. *History of State and Law*. 2009;8:7-11 (In Russ.).
2. McAleer G. Contracts and Solemnities in Adam Smith's Sacred Anthropology. *Law & Liberty*. 2019. February, 6. URL: <https://www.lawliberty.org/2019/02/06/contracts-and-solemnities-in-adam-smiths-sacred-anthropology/> (accessed: 10 Nov. 2020).
3. Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. University of Chicago Press; UK ed. Edition; 1977.
4. Smith A. *Lectures on Jurisprudence (The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith, 1762–1763)*. Glasgow.
5. Smith A. *The Theory of Moral Sentiments*. London; 1759.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: +8 (499) 244-88-88 (доб. 687)
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Корректор *А. Б. Рыбакова*
Компьютерная верстка *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472

9 770254 224729

RUS-LAW ONLINE

2 / 2020

WWW.RUS-LAW.ONLINE